

XLIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XLIII

№ 33

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1912

Выданъ 18-го августа 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Оскара Уайльда“ кн. 5.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1912 г.

Е. Моро. За добычей.

Морлоки.

Разсказъ Ю. Волина.

(Продолженіе).

VI.

Да, отъ весны.

Въ одинъ изъ первыхъ дней весны къ нему на шахту пріѣхали Ременниковы, мать и дочь.

Такъ неожиданно было ихъ появленіе, что въ первую минуту казалось сномъ. Двѣ женщины, веселыя, смѣющіяся, въ свѣтлыхъ платьяхъ. У Маруси въ рукахъ букетъ сирени..

— Я такъ радъ! Такой сюрпризъ! — говорилъ Караваевъ, усаживая дамъ на маленькой верандѣ. — Вѣдь я забылъ, что существуютъ гдѣ-то жизнь, смѣхъ, цвѣты, бѣлыя платья! Спасибо вамъ, что вспомнили!

Варвара Александровна, смѣясь, рассказывала:

— Все спрашиваютъ: гдѣ нашъ новый инженеръ? Каковъ онъ? Умень? Красивъ? Холостъ? Двѣ барышни пари держали. Одна утверждала, что вы блондинъ, другая—что вы брюнетъ!..

— Я думала, не больны ли вы? — вставила Маруся. — Развѣ можно такъ — показаться и исчезнуть?

— Кружилинъ пустилъ про васъ слухъ, что вы устроили себѣ въ шахтѣ келью и спасаете душу постомъ и молитвой... И представьте, повѣрили!

Караваевъ разсмѣялся:

— Я не думалъ, что мной интересуются!

— А знаете, Василий Ильичъ, — заговорила Маруся:—вѣдь я къ вамъ по дѣлу.

— Слушаю васъ.

— Я хочу спуститься въ шахту!

— Какъ? Сейчасъ?

— Сейчасъ.

— Въ бѣломъ платьѣ?

Этого Маруся не сообразила. На минуту она смутилась, но внезапно глаза ея вспыхнули радостной мыслью.

— А вѣдь такъ еще лучше!—воскликнула она.

— Платье ваше пропадетъ,—предупредилъ Караваевъ.

— Зато какъ это будетъ хорошо!—вся раскраснѣвшись отъ возбужденія, говорила Маруся.—Въ бѣломъ платьѣ и съ сиренью въ шахтѣ!.. Правда, Василій Ильичъ, хорошо?.. Вотъ вы сказали: „я забылъ, что существуютъ жизнь, смѣхъ, бѣлыя платья, цвѣты“... и обрадовались... А они вѣдь тоже забыли... они, въ черной шахтѣ! Ну, пусть тоже вспомнятъ про весну!.. Правда, Василій Ильичъ?

Василій Ильичъ слушалъ Марусю и испытывалъ еще никогда не извѣданное чувство безграничной, безпричинной жизнерадостности. Опыненный близостью очаровательной дѣвушки, онъ чувствовалъ легкое головокруженіе. Жадно втягивалъ онъ острый весенній аромат, который исходилъ отъ сирени и отъ ея смѣлой новой мысли. Въ бѣломъ платьѣ, съ цвѣтами въ рукахъ спуститься въ черное подземелье, къ чернымъ людям... принести подземному племени привѣтъ съ воли, улыбку весны... Какая наивная, какая красивая мысль!

— Идемте, Марья Семеновна, — замѣтно волнуясь, сказалъ Караваевъ.—Только какъ же Варвара Александровна?

— Я пока-что поброжу по роднымъ мѣстамъ,—отвѣтила Ременникова.—Вѣдь здѣсь именно моя родина. Тутъ деревушка была, теперь и слѣда не осталось. Только лавочникъ Дувидъ уцѣлѣлъ. Я давно собираюсь зайти къ нему старину вспомнить... Только вы не долго.

— Не безпокойся, мама!—отозвалась Маруся.

Весело, безпричинно смѣясь, подошли они къ вышкѣ шахты.

Рабочіе, возившіеся у ствола, улыбались, глядя на нихъ. А когда они вошли въ клѣтъ, работавшіе наверху шахтеры бросили работу и собрались все вокругъ клѣтки. На лицахъ ихъ расплылась широкая улыбка. Это была первая улыбка, которую Караваевъ видѣлъ на лицѣ подземнаго племени. Сердце его радостно вздрогнуло.

— Вишь, барышня вырядились, словно къ вѣнцу! — добродушно пошутилъ одинъ изъ рабочихъ.

— Платице перекрасить захотѣли! — поддержалъ другой.

Зашумѣло, зашипѣло, загрохотало. Исчезли люди, улыбки, разговоры. Они летѣли. Ввысь или въ бездну — трудно было разобрать. Они неслись, какъ вихрь, въ черной щели. Маруся прижалась къ Караваеву. И, обнявъ ее тепло, родственно, Василій Ильичъ чувствовалъ себя словно перерожденнымъ. Казалось, черезъ черное ущелье мчится онъ къ лучезарнымъ долинамъ... Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ спуска въ головѣ Караваева промелькнулъ рядъ мыслей и образовъ, быстрыхъ и яркихъ, какъ молніи. Вспомнилась Елена. Чтò сказала бы она теперь? Она назвала бы глумленіемъ надъ человѣческимъ страданіемъ это появленіе въ шахтѣ, „гдѣ день, какъ ночь“, съ цвѣтами и со смѣхомъ. Кто правъ? Конечно, Маруся! „Пусть тоже вспомнятъ о веснѣ“. Это человѣчнѣе. Радость жизни надо нести людямъ, открытую душу.

Шумъ, грохотъ, скрипъ. Клѣтъ остановилась. Маруся вышла оглушенная, ошеломленная, но радостная. Ей дали фонарикъ. Чтобы освободить одну руку, она вздумала приколотъ букетъ сирени Караваеву къ его запыленной рабочей курткѣ. Возясь съ букетомъ, она звонко смѣялась, и въ шахтѣ какъ-то странно звучала ея смѣхъ: словно ударяясь о камень потолка и стѣнъ, падалъ на землю.

Какъ и наверху, шахтеры побросали работу и смотрѣли на нихъ. Здѣсь, у самаго ствола, не было темно: здѣсь кипѣла работа, и было много фонарей. И на черныхъ лицахъ Караваевъ опять увидѣлъ широкую, добрую улыбку. Въ восторгѣ онъ наклонился къ Марусѣ и прошепталъ:

— Вы, какъ фея...

Потомъ онъ поздоровался съ шахтерами:

— Здравствуйте, братцы! Какъ работа сегодня? Сыро?

— Дюже!—отозвался одинъ.

Другой подошелъ совѣмъ близко къ нему, протянулъ палецъ къ букету и, какъ-то удивленно-радостно улыбувшись, произнесъ:

— Вишь... цвѣтеть!

— Въ деревнѣ, чай, пахота зачалась!—замѣтилъ третій.

Свершилось чудо. Шахтеръ заговорилъ.

„Какъ небесная фея, въ бѣломъ платьѣ и съ цвѣтами, пришла ты въ царство дьявола“,—словно молитву шепталь про себя Караваевъ.

Маруса уже овладѣла его душой, его мыслями. Она принесла ему счастье и радость, и вмѣстѣ будутъ они носить радость людямъ.

Маруся продрогла. Караваевъ прижалъ ее къ себѣ, и такъ пошли они, пробираясь вдоль черныхъ щелей, спотыкаясь, скользя, но хохоча и дурачась, какъ школьники. Въ очень низкой галлерей, гдѣ можно было пробраться только ползкомъ, они уѣлись. Маруся устала. Она поставила фонарикъ на землю и склонила голову къ нему на грудь такъ просто, какъ-будто все уже было сказано. Фонарики тускло освѣщали подземелье. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они сидѣли, не было работъ,—это былъ сокращенный проходъ къ задней галлерей. Рабочіе съ тачками и лошадьми шли туда другимъ путемъ.

Они были одни въ черномъ, каменномъ ящикѣ, словно въ могилѣ. Впереди, лишь на нѣсколько шаговъ, падалъ отблескъ фонаря, а дальше крутымъ обрывомъ спускалась черная тьма. Казалось, не было выхода изъ могилы.

Но никогда еще шахта не знала такой шири, такихъ далей, какія внесла въ одно изъ глухихъ ея ущелій молодая любовь! Они сидѣли, прижавшись другъ къ другу, и казалось имъ, что они въ чертогѣ. Не было признаній: любовь сама сказала о себѣ. Василій Ильичъ опять чувствовалъ себя молодымъ, бодрымъ, вѣрующимъ. Грудь широко вдыхала аромат любви. Сердце взволнованно билось отъ предвкушенія радостей, труда, жертвы. Такъ ясно представлялось, какъ онъ приступитъ къ работѣ, такими ничтожными предстали препятствія, которыя еще вчера казались непреодолимыми!

Когда они возвращались назадъ, Маруся уже не хохотала и не рѣзвилась. Довѣрчиво и нѣжно она прижималась къ Караваеву и съ тихой грустью спрашивала о шахтерахъ—какіе они, какъ живутъ, сколько работаютъ. И Василій Ильичъ говорилъ съ оживленіемъ и горячностью объ ужасахъ подземной работы и о томъ, какъ они вмѣстѣ будутъ работать, чтобы освѣтить жизнь этихъ рабовъ человѣческой жадности.

Когда они очутились наверху, и Караваевъ увидѣлъ Марусю при свѣтѣ весенняго дня, онъ громко разсмѣялся. Бѣлое платье Маруси стало чернымъ; черными были и ея лицо и ея волосы. А глаза блестѣли тихимъ, новымъ счастьемъ.

— Не смѣйтесь надо мною, и вы не лучше меня,—сказала она.

И вдругъ ей пришла въ голову дикая мысль:

— Знаете... Не надо умываться! Поѣдемъ такъ къ намъ... Тамъ теперь къ чаю пришли знакомые. Мы явимся черными. Правда, Василій? Туда мы пришли бѣлые, съ цвѣтами... отъ весны! Къ нашимъ придемъ черные, принесемъ вѣсть о шахтѣ... Правда, Василій?

— Ну ихъ! На что они намъ!—возразилъ Василій Ильичъ.

Маруся посмотрѣла на него и разсмѣялась. И еще свѣтлѣй и радостнѣй стало на душѣ Караваева отъ сознанія, что она понимаетъ его, что она раздѣляетъ его чувства и симпатіи, что она такая же, какъ онъ, „чужая“ среди своихъ.

Долго обмывалась и чистилась Маруся въ комнатѣ Караваева. А когда она вышла свѣжая, ясная, словно и не была въ шахтѣ, и стала прощаться съ Караваевымъ, то шопотомъ спросила:

— Любишь?

Караваевъ отвѣтилъ восхищеннымъ взглядомъ.

— То-то!—шепнула Маруся.—Ты меня полюбилъ черненькой, значить—бѣленькой подавно любить будешь!

И весело расхохоталась.

VII.

Въ жизни каждаго человѣка между мѣсяцами и годами, сѣрыми и похожими, какъ лица солдатъ въ строю, одиноко стоятъ дни. Это—дни-оазисы, видные черезъ долгую пустыню мѣсяцевъ и лѣтъ; роковые дни, съ чудовищной быстротой и ловкостью распутывающіе узлы, которые связывались въ теченіе лѣтъ; перерождающіе и обновляющіе; указывающіе непредвидѣнные пути и открывающіе неожиданныя дали.

Такимъ днемъ въ жизни Василя Ильича былъ первый день его любви.

Когда Маруся съ матерью скрылись въ солнечной дали весен-

няго дня, Караваевъ еще долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ, ни о чемъ не думая, но испытывая огромное, переполняющее душу счастье. Потомъ онъ медленно и безъ цѣли пошелъ по улицѣ между казармами рабочихъ. Онъ часто проходилъ эту улицу, но каждый разъ торопился уйти поскорѣе въ свою комнату или въ шахту. Жутко дѣлалось отъ будничной тишины и отъ праздничнаго шума, отъ грязныхъ ребятишекъ и сварливыхъ бабъ. Было такое чувство, словно онъ проходитъ по лагерю враговъ, побѣжденныхъ, но затаившихъ злобу противъ побѣдителя. Казалось, что вслѣдъ ему несется бранное слово, а сейчасъ полетитъ комъ грязи или камень. Было стыдно за себя и за нихъ, и хотѣлось скорѣе уйти, не видѣть, забыть.

Такъ было раньше. Теперь онъ проходилъ ту же улицу, неся въ душѣ покой и радость. И казалось, что вмѣстѣ съ нимъ возродились къ новой жизни всѣ: шахтеры, ихъ женщины и дѣти. Солнце играло въ стеклахъ казарменныхъ зданій, и весенней музыкой звучалъ смѣхъ дѣтей. Словно новую способность видѣть и слышать принесла ему вмѣстѣ съ сиренью Маруся. Передъ нимъ были люди. И такъ же, какъ солнце не дѣлало различія между стеклами дворцовъ и шахтерскихъ жилищъ, такъ и радость жизни свѣтилась въ ихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ „бѣлыхъ“.

У дверей одного изъ домовъ сидѣли трое шахтеровъ и двѣ женщины. Возлѣ нихъ стояла бутылка водки, и, жуя хлѣбъ, они громко разговаривали. Разговоръ былъ праздный и грубый, о томъ, кто больше можетъ съѣсть.

Огромный мужчина медленно произнесъ:

— У насъ въ ротѣ споръ такой вышелъ, кто первый фдокъ. И тамъ моя взяла! А ребятишки были тамбовскіе, народъ фартовый! Двадцать двѣ порціи слопалъ, право слово!

Молодой парень съ блестящими бѣлыми зубами отозвался:

— На большую яму больше и хламу!

Василій Ильичъ не удержался и громко разсмѣялся.

— Вишь ты, гоголемъ какимъ ходитъ!

— Случай случился! Поросенокъ яичко снесъ!

Караваева не обижали эти остроты по его адресу. Какъ имъ не удивляться, когда онъ самъ себя удивлялся, такъ непривычна была улыбка на его лицѣ!

Онъ пошелъ дальше, по пути остановилъ маленькую дѣвочку, спросилъ, какъ ее зовутъ, погладилъ по головкѣ и подарилъ ей гривенникъ. Мальчугана, который съ серьезнымъ и сосредоточеннымъ видомъ тащилъ за хвостъ стараго, жалобно мяукающаго кота, отодралъ за уши. Хотѣлъ даже вступить въ компанію съ ребятишками, игравшими въ городки, но сообразилъ, что сбѣжится народъ смотрѣть, и пошелъ дальше. Надо было спуститься въ шахту, и онъ рѣшилъ вернуться не улицей, а черезъ поле.

Внезапно онъ вспомнилъ Марусю. Откуда-то изъ глубины души выплылъ ея образъ и всталъ передъ глазами, такой близкій, такой родной. Неужели не болѣе двухъ часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ этотъ образъ овладѣлъ душой? Это ошибка. Это обманъ памяти и сознанія. Онъ всю жизнь носилъ въ душѣ этотъ образъ, въ первыхъ юношескихъ мечтахъ и порывахъ уже складывались его очертанія... Развѣ можно полюбить такъ, нежданно-негаданно, почти съ перваго взгляда?

Караваевъ замечтался. Не было ясно-очерченныхъ линий, не было конкретныхъ формъ въ его мечтахъ. Туманныя и блѣдныя видѣнія. Онъ, Маруся, жизнь, трудъ, радости... И было такъ хорошо, словно вернулось дѣтство. Мягко свѣтило апрѣльское солнце. Подъ ногами шелестѣла молоденькая травка, мягкая и рѣдкая, какъ волосы на головѣ ребенка. Было ясно и радостно.

А въ шахтѣ Караваева ждала новая радость.

У одного изъ поворотовъ его нагналъ молодой рабочій.

— Василій Ильичъ! — заговорилъ онъ робко, но постепенно ободряясь. — Ежели позволите, Василій Ильичъ, такъ дѣло такое... За совѣтомъ, значитъ... Потому тутъ, Василій Ильичъ, которые шахтеры хотятъ кассу образовать!..

— Въ самомъ дѣлѣ? Это прекрасно! — радостно волнуясь, заговорилъ Василій Ильичъ. — Это даже очень хорошо! Вы зайдите ко мнѣ...

— А когда прикажете?

— Когда можете. Хоть сегодня.

— Ежели позволите, Василій Ильичъ, такъ я съ однимъ человѣчкомъ...

— Милости прошу!

Эта новая неожиданность почти опьянила Караваева. Вотъ начинается и дѣло! То дѣло, о которомъ онъ мечталъ... И шахтеры сами пришли къ нему, сами! Чутье подсказало имъ, что онъ не „чужой“...

Въ радостномъ волненіи Василій Ильичъ отдался мечтамъ о будущей дѣятельности, о шахтерахъ. Захотѣлось домой, чтобы съ перомъ въ рукѣ обдумать ближайшіе шаги.

Въ своей комнатѣ Караваевъ засталъ Кружилина.

— Здравствуйте, Чайльдъ-Гарольдъ на службѣ французской компаніи! — встрѣтилъ его старый чудакъ и, всматриваясь въ его лицо, воскликнулъ: — Тысяча чертей! Съ вами что-то происходитъ, благородный юноша! Я начинаю подозрѣвать, что вы входите во вкусъ инженерскаго благоденствія на тучныхъ нивахъ рудника! Или это весна-волшебница? Какая-нибудь любвишка? Признавайтесь, молодой конфереръ!

— Со мной ничего! — весело отвѣтилъ Караваевъ. — А вотъ, Иванъ Ивановичъ, давайте-ка, выпьемъ вина, да расскажите, чтò новенькаго... Вѣдь вы всѣхъ встрѣчаете.

Кружилинъ залпомъ выпилъ стаканъ вина.

— Встрѣчаю, молодой другъ, встрѣчаю! Да чтò у меня времени нѣтъ, какъ у васъ, что ли? На шахтѣ и безъ меня все идетъ великолѣпно... И вамъ рекомендую придерживаться этого взгляда... Чего молодость свою губите! Ахъ, вы, идеалисты!

— Чтò же новенькаго?

— Новаго? Да. Березинъ началъ охотиться.

— Съ мистеромъ Вильямсомъ?

— Конечно.

— А еще?

— У Ременниковыхъ все то же.

— А Елена?

— Съ этой дѣвицей — бѣда! И какъ это случилось, что изъ одной утробы, такъ сказать, вышли — благонамѣреннѣйшій Семенъ Дмитриевичъ и этакая взрывчатая курсиха?

— Чтò же съ нею?

— Не захотѣла жить подъ одной кровлей съ „представителями господствующаго класса“ и поселилась гдѣ-то на шахтѣ. Говорятъ, помѣшалась...

— Что говоритъ! Чтò за вздоръ! — вспыхнулъ Караваевъ.

— Знаю, что вздоръ! Однако чудачить же она тоже! Чуть ли не свѣтопреставленіе проповѣдуетъ! О чудной барышнѣ даже шахтеры говорятъ. Того и гляди, прослыветъ святой. Вѣдь „русскій народъ суевѣренъ“, какъ сказалъ бы мистеръ Вильямсъ...

— Странная дѣвушка! — задумчиво произнесъ Караваевъ.

Передъ нимъ всталъ образъ Елены съ ея бездоннымъ, полнымъ трагизма, взглядомъ. И почему-то стало неловко и стыдно той бодрой радости, которая жила въ его сердцѣ.

— Странная дѣвушка! — повторилъ онъ. — Словно живое воплощеніе совѣсти... Человѣкъ души, непосредственнаго чувства... Но я думаю, что это измѣнится... Поживетъ здѣсь, острота первыхъ впечатлѣній пройдетъ... Начнетъ думать, читать, искать путей...

— И успокоится на путяхъ?

Василій Ильичъ поморщился, однако сдѣлалъ усиліе надъ собой и спокойно отвѣтилъ:

— „Пути“ не для успокоенія. Кто знаетъ путь къ будущему, кто вѣритъ въ будущее, тотъ работаетъ. Безъ вѣры нельзя жить.

— Нельзя? Ха-ха! Фраза, милѣйшій мечтатель! Великолѣпно можно! И даже очень удобно...

— Не притворяйтесь циникомъ, Иванъ Ивановичъ!

— Отнюдь не притворяюсь, — ибо я — старая хавронья, съ какой стороны меня ни щупайте... И распрекрасно живу, смѣясь надъ чувствомъ мадемуазель Ременниковой и надъ путями мосье Караваева! И, по-моему, это и есть самый настоящій путь!

— Оставимъ это! — сказалъ Караваевъ. — Лучше рассказывайте про другихъ.

Кружилинъ выпилъ вина, прошелся по комнатѣ и, сѣвъ верхомъ на стулъ, началъ длинно и лѣниво рассказывать про Заблоцкаго, мистера Вильямса, Березинныхъ, Могилянскаго. Всѣхъ онъ высмѣивалъ, всѣхъ презиралъ и къ себѣ относился, какъ къ другимъ.

В. Бугро. Лѣнтайка.

VIII.

Три человѣка вошли, молча поздоровались, по приглашенію Караваева усялись за столъ и ждали, чтобы онъ началъ разговоръ. А Василій Ильичъ смущенно смотрѣлъ на нихъ и, замѣтно волнуясь, не находилъ словъ, которыя положили бы конецъ отчужденности и неловкости между нимъ и гостями.

Противъ него сидѣлъ тотъ молодой шахтеръ, который остановилъ его сегодня въ шахтѣ. Это былъ совсѣмъ юный парень, безъ растительности на лицѣ, широко, скуластомъ, загорѣломъ, съ маленькими глазками, которые перебѣгали съ предмета на предметъ, блестя какой-то торжественной радостью. Кто же изъ двухъ его товарищей былъ тотъ таинственный „одинъ человѣчекъ“, котораго обѣщали привести молодой шахтеръ?.. Конечно, сидящій слѣва молодой человѣкъ съ тонкимъ, совсѣмъ не шахтерскимъ, лицомъ...

Онъ заговорилъ первый.

— Позвольте представиться, — сказалъ онъ. — Мы съ вами еще нигдѣ не встрѣчались, хотя и служимъ на одномъ рудникѣ. Я — штейгеръ при второй шахтѣ, и зовутъ меня Степанъ Карповичъ Лѣсной.

— Очень радъ! — отвѣтилъ Караваевъ, кланяясь.

— А моихъ товарищей вы, вѣроятно, знаете. Они оба рабочіе вашей шахты. Прокопъ и Тома Косоурый.

Прокопа Караваевъ уже разглядѣлъ, а на Тома Косоураго взглянулъ теперь. Взглянулъ и вздрогнулъ. Ему показалось, что въ его комнату вошла вся шахта, черная, закоптѣлая, угрюмая. Большой, широкоплечій, лохматый, весь въ сажѣ и пыли, съ блестящими глазами, Тома Косоурый былъ настоящимъ, типичнымъ представителемъ подземнаго племени.

— Ежели изволите, Василій Ильичъ, — заговорилъ Прокопъ: — такъ мы насчетъ кассы. А ежели позволите, такъ Степанъ Карпычъ толкомъ расскажетъ.

Штейгеръ не заставилъ себя просить. Онъ, кратко и точно выражаясь, объяснилъ, что они хотятъ основать союзъ углекоповъ, и имъ нужна поддержка инженеровъ.

— А какъ къ этому относятся рабочіе? — спросилъ Караваевъ.

— Только бы утвердили. Растолкуемъ! — отозвался Лѣсной.

— И то сказать, растолкуемъ! Дѣло ясное! — подтвердилъ Прокопъ.

А Тома Косоурый погладилъ своей огромной, какъ лопата, черной и изъсѣченной рукой бороду и сказалъ медленно, какъ бы съ трудомъ находя нужные слова:

— Чего не понять-то! Обмозгуютъ! Тожъ у каждаго котелокъ варить, — онъ указалъ на голову. — Дѣло простое! Вотъ на бельгійскомъ сокращеніе идетъ. Которые всю недѣлю работали, теперь имъ четыре дня работы. Тутъ ежели бъ касса, такъ бы и жить можно. Чего не понять-то! Какъ проголодался — такъ и догадался!

— Тоже вотъ юридическая помощь — назрѣвшій вопросъ, — заговорилъ Лѣсной. — Если вы съ этой стороны подой-

дете къ дѣлу, самый темный шахтеръ васъ пойметъ...

— Потому—учены!— оживился Косоурый.— Нешто сами не знаете? Увѣчій-то сколько! Что на войны! То породой задавить, то клѣть сорвется. Тоже водой шахту заливаютъ. А то и выпаль *). Тоже вѣдь рѣшительные бываютъ, сразу людей множество порѣшитъ! Помилуй Богъ!

Ома перекрестился. Нѣсколько минутъ все молчали.

Косоурый продолжалъ:

— Тоже сказываютъ, нонѣшнимъ лѣтомъ выпаль будетъ.

Это было сказано тихо, спокойно и увѣренно.

Караваевъ взволнованно всталъ:

— Кто говоритъ? Почему такъ говорятъ? Какъ можно знать заранее?

— Ужо знаютъ!— спокойно отвѣтилъ Ома.

— Глупость одна!— возразилъ Прокопъ.— Ежели позволите, такъ я такъ выражусь: суевѣрство—и больше ничего!

Косоурый такъ же спокойно отвѣтилъ:

— Люди—Божьи собаки.— зря лаютъ, а можетъ, и правду знаютъ.

— Но чтѣ же говорятъ? Чѣмъ объясняютъ?

— Которые про комету, а которые про газу. Крѣпко гудитъ, проклятая!

Ома опять перекрестился.

— Перейдемъ однако къ дѣлу!— предложилъ штейгеръ.

— А я развѣ не дѣло говорю?— обидѣлся Косоурый.— Про юридическую и говорю! Какъ, говорю, не понять-то! Адвокатъ—онъ законы знаетъ! И чему какая цѣна, знаетъ. Безъ руки, примѣрно, одна цѣна положена, а который безногий—тому другая. А контора чтѣ. Она все норовитъ миромъ!

— И чтѣ же, обижаютъ?— спросилъ Караваевъ.

— Известно! Кобыла съ волкомъ мирилась, да домой не воротилась.

— Правильно!— подтвердилъ Прокопъ.

— А адвокатъ за темнаго хрестянина заступникъ! Пожалте, скажетъ, мусью, по закону! А цѣна челоуѣку такая, а который на семью работникъ—тому больше! Вотъ она—юридическая!

Было что-то жестокое, оскорбительное для влюбленнаго въ жизнь Караваева въ этихъ простыхъ, но все же страшныхъ словахъ о цѣнѣ челоуѣческой жизни, членовъ челоуѣческаго тѣла. Пе-

І. Элслей. Любимецъ.

*) «Выпаль» — шахтерское слово, обозначающее взрывъ рудничныхъ газовъ,—лмя существительное отъ глагола «выпалить».

редь глазами встали цифры жертвъ рудничных катастрофъ. Онъ тщательно слѣдилъ за этой кровавой статистикой, и каждая новая цифра волновала его. Но теперь огромное, многозначное число итога встало передъ нимъ, какъ живое. Каждая единица въ этомъ числѣ приняла образъ Косоурова. Тысячи, десятки тысячъ Косоурыхъ лежатъ въ землѣ обугленные, заживо погребенные. А онъ, этотъ случайно живой Косоурый, сидитъ передъ нимъ и говоритъ такъ спокойно и такъ просто о ждущей его участи!

Чтобы перевести разговоръ на другую тему, Караваевъ спросилъ:

— А до настоящаго времени не пробовали объединиться?

— Были попытки!—отвѣчала Лѣсной.—Да чтѣ. По тюрьмамъ народу не мало, а толку не вышло! Видно, не такъ начали!

Въ разговоръ вмѣшались Прокопъ и Тома. Всѣ трое пережили здѣсь на рудникѣ время митинговъ, забастовокъ и погромовъ. Была тогда кутерьма и неразбериха. Съ митинга пошли бить евреевъ. Взволнованное шахтерское племя вырвалось изъ подземелья и опьянѣло отъ воздуха и солнца. Все перепуталось въ шахтерской головѣ.

— Теперь этого не будетъ!—увѣренно сказалъ штейгеръ.— Надо работать спокойно, исподволь!

— Потому, ежели изволите, и время теперь другое!—вставилъ Прокопъ.

— Извѣстно, сзади пойдешь — больше найдешь,—добавилъ Косоурый, любившій говорить пословицами.

Бесѣда за чаемъ затянулась.

Около полуночи гости, условившись съ Караваевымъ, что онъ напишетъ уставъ и постарается узнать отношеніе къ союзу инженеровъ и администраціи рудника, собрались уходить.

Внезапно вошла Елена.

Ее появленіе въ эту пору было такъ неожиданно, что Караваевъ испуганно вскочилъ.

— Здравствуйте, господа!—громко сказала Елена.

— Елена Дмитриевна! Чтѣ случилось? — подбѣжавъ къ ней, шопотомъ спросилъ Василій Ильичъ.

— Ничего не случилось! Просто зашла!

Къ удивленію Караваева, оказалось, что его гости знали Елену и какъ-будто даже не поражены ея страннымъ визитомъ.

Она обратилась къ штейгеру:

— Ну, какъ? Василій Ильичъ, конечно, благословилъ?—и въ ея тонѣ прозвучала явная насмѣшка.

— А развѣ, по-вашему, касса не нужна? — спросилъ Караваевъ.

Елена посмотрѣла на него взглядомъ, полнымъ холодной, уничтожающей ненависти. Подъ этимъ взглядомъ Караваевъ какъ-то осѣлъ, словно получилъ пощечину. За что? Вѣроятно, случилось что-то страшное. Такого взгляда не было у Елены. Эта ненависть относится къ нему. Не къ идеѣ, о которой идетъ рѣчь, а лично къ нему. За что?

Елена между тѣмъ отвѣчала на его вопросъ:

— Какъ не нужна? Вамъ нужна! Моему брату нужна! Березину нужна! Слякотной душонкѣ сытаго печальника за голодныхъ—вотъ кому нужна ваша касса!

— Чтѣ же рабочему нужно?—тихо спросилъ Лѣсной.

— Ахъ, если бъ я была шахтеромъ! Показала бы я, чтѣ нужно!—Елена взмахнула рукой.—Да чтѣ говорить!

Потомъ она подошла къ столу, залпомъ выпила чей-то остывшій чай и заговорила быстро, нервно:

— Чтѣ нужно? Нужно срыть вершины и засыпать ямы. Чтобы всѣмъ солнце видно было! Ваши теоріи! Я ненавижу ваши теоріи! У человѣка жизнь отняли, вы понимаете: жизнь, а вы говорите ему: борись—и ты будешь работать на часъ меньше, получать на гривенникъ больше... Какая жестокость! Какой цинизмъ! Это вмѣсто того, чтобы честно сказать ему: выльзай изъ подземелья!.. Жизнь твоя, какъ и наша, солнце твое, какъ и наше, земля, твоя, какъ и наша!.. Возьми то, что принадлежитъ тебѣ! Выльзай изъ подземелья и прокляни память о немъ!

— Чтѣ же выйдетъ, Елена?—спросилъ Караваевъ.

А Косоурый проворчалъ:

— Шибко хватили, барышня!

— Чтѣ бы ни вышло! Все равно! Пусть все рухнетъ... Кому

оно нужно? Вѣдь всѣ — люди! Вѣдь лучше землю взорвать, чѣмъ такъ!

Елена выкрикивала слова, какъ въ истерическомъ припадкѣ. Голосъ осѣлъ, въ немъ смѣшались хриплые звуки съ визгомъ. Глаза, всегда воспаленные, теперь горѣли почти безумнымъ блескомъ. Она была блѣдна и вся дрожала.

Сразу она оборвала свою рѣчь и бросилась на диванъ, лицомъ внизъ. Казалось, она рыдаетъ.

— Надо дать ей успокоиться,—шепнулъ Караваевъ Лѣсному. Степанъ Карповичъ мигнулъ товарищамъ, и всѣ четверо вышли.

IV.

Караваевъ проводилъ своихъ гостей до воротъ.

Всѣ чувствовали себя смущенными, пришибленными. Разстались молча.

Василію Ильичу почему-то страшно было вернуться въ комнату, словно тамъ ожидало его что-то неожиданное и грозное.

Онъ остановился на крыльчкѣ и оглянулся.

Направо высилась труба его шахты и спокойно, равномерно дышала дымомъ и искрами. Прямо, до самаго горизонта, свѣтились розово-дымнымъ свѣтомъ такія же трубы. А позади разливалось, бушующее, безбрежное море пламени,—то дышали безчисленные трубы завода.

Океанъ жизни, океанъ труда... Нѣтъ страха и смущенія въ душѣ... Василій Ильичъ чувствуетъ, какъ постепенно охватываетъ его восторженная, пьяная, почти безумная энергія. Сердце бьется быстро и громко... Работать, работать! Нѣтъ той ноши, которая показала бы ему теперь тяжелой, нѣтъ той жертвы, которая можетъ утратить его! Работать, работать... для человѣка... съ человѣкомъ! Какъ смѣшно торчитъ луна тамъ, посреди небольшого клочка черного неба! Большая, круглая, темно-бронзовая, такая жалкая, такая глупая! Жалкая потому—что она напрягла всѣ силы, натужилась до красноты и все же безсильна освѣтить небо, горящее огнями, зажженными человѣкомъ! И даже этотъ черный островокъ неба въ морѣ розоваго дыма охватываетъ красное лицо луны тѣснымъ кольцомъ и смѣется надъ ея потугами... Кто сильнѣе: природа или человѣкъ? Здѣсь царь — человѣкъ! Здѣсь онъ всемогущъ и непобѣдимъ!

Полный бодрости и радостнаго волненія, Караваевъ вошелъ въ домъ.

Забывъ о Еленѣ.

А она ждала его въ дверяхъ его комнаты. Стояла, опершись о косякъ двери, и застывшимъ взглядомъ смотрѣла въ одну точку.

Когда Караваевъ подошелъ къ ней, она пропустила его мимо себя въ комнату, а сама, оставаясь въ томъ же положеніи и не глядя на него, произнесла глухимъ голосомъ:

— Я слышала сегодня, будто вы женитесь на Марусѣ.

Василій Ильичъ не сразу отвѣтилъ. Слишкомъ странно было все это: голосъ Елены и самый вопросъ. Радость и бодрость сразу пропали. Снова зародился въ душѣ страхъ, непонятный, наивный, чисто-дѣтскій страхъ.

Тѣмъ же голосомъ, но повернувшись къ нему, Елена повторила:

— Правда ли, что вы женитесь на Марусѣ?

Караваевъ подумалъ: „развѣ она не знала этого раньше?“ Но сейчасъ же вспомнилъ, что это случилось вовсе не такъ давно, какъ ему кажется, что еще вчера онъ и самъ не предвидѣлъ этого.

Онъ тихо отвѣтилъ:

— Да, Елена Дмитриевна. Я люблю Марусю.

Елена подошла къ нему и, глядя прямо въ глаза, сквозь сдавленные зубы процѣдила:

— Я васъ ненавижу!

Василій Ильичъ шарахнулся въ сторону. Такъ неожиданно это было.

— За что?—сдавленнымъ шопотомъ спросилъ онъ.

Елена сѣла, закрыла лицо руками и послѣ долгой паузы тихо заговорила:

— Такъ страшно жить здѣсь! Такъ стыдно!.. Бѣсть стыдно... дышать... даже думать, мечтать стыдно!.. Эти морлоки... Это не выходитъ изъ головы, успокоиться не даетъ... А вы!

— Чтѣ же я?

— Рыхлый вы! Какъ всѣ! Я думала, у васъ чуткая совѣсть, душа честная... Стыдно!

Василій Ильичъ подошелъ къ ней, взялъ ея руку и нѣжно, любовно, какъ говорятъ съ большимъ ребенкомъ, началъ убаюшивать ее:

— Какая вы славная, чистая, смѣлая, Елена! Я восхищаюсь вами. Но вы неправы... Развѣ любовь преступленіе? Жизнь сложна, жизнь многогранна. Нельзя быть жестокой, даже во имя жалости къ людямъ не надо жестокости, Елена... Любовь, это— счастье. Это хорошо, честно и такъ радостно—любовь! Знаете, Елена, пока я не зналъ любви, я никого не любилъ! И мои теоріи, и моя любовь къ людямъ, и жалость моя—все это было безкровное, умственное... И оттого не удавалось мнѣ ничего, и оттого, какъ чужого, встрѣчали меня въ шахтѣ, какъ врага... Сегодня я сталъ другимъ, новымъ. Это случилось въ шахтѣ, въ черной шахтѣ пришла ко мнѣ свѣтлая радость. Какъ я люблю, Елена! Люблю Марусю и свою любовь люблю! Да, свою любовь... Она раскрыла мою душу, сроднила меня съ людьми... За что же вы меня ненавидите, Елена? За что? Вѣдь только сегодня я пересталъ ненавидѣть себя, стыдиться себя!.. Не будьте жестокой, Елена!

Елена тихо высвободила свою руку изъ его рукъ, улыбнулась печальной улыбкой и заговорила мягко и съ какой-то таинственной сосредоточенностью:

— Нѣтъ, это неправда, что я васъ ненавижу... Мнѣ жалко васъ и страшно за васъ.

Потомъ она встала, прошлась по комнатѣ, остановилась возлѣ окна и, глядя на улицу, коротко спросила:

— Когда свадьба?

— Не знаю. Я еще не думалъ объ этомъ.

— Гдѣ?

— Не знаю.

— Только не здѣсь!

— Почему?

— Слышите, Василій Ильичъ, не здѣсь!

Елена подошла къ Караваеву, взяла его руку и, сверкая своими полными тайны глазами, почти умоляюще повторила:

— Не здѣсь! Ради Бога, Василій Ильичъ, не здѣсь! Уѣзжайте! Возьмите отпускъ, поѣзжайте въ городъ, тамъ справьте свадьбу!

— Развѣ это не все равно? Такая мелочь!

— Нѣтъ, не все равно! И не пустякъ! Я васъ умоляю. Для васъ же! Вѣдь вы единственный, кого я не хочу ненавидѣть... Уѣзжайте!

Караваева взволновалъ этотъ умоляющій и настойчивый тонъ. Что-то почти мистическое сверкало въ глазахъ Елены, и Василій Ильичъ чувствовалъ, что его снова охватываетъ страхъ.

А Елена, нѣсколько успокоившись, продолжала:

— Я предчувствую большое несчастье. Вы поймите. Нельзя надругаться надъ человѣческимъ горемъ. Здѣсь стыдно смотрѣть на солнце. А вы хотите свадьбу... музыку, танцы, вина... Надъ головами зарытыхъ въ подземельѣ!.. Нѣтъ! Уѣзжайте! Пусть это будетъ далеко! Не такъ открыто, не такъ цинично!

Караваевъ собирался возразить. Вспомнились Маруся, бѣлое платье, букетъ сирени. „Пусть тоже увидятъ весну“.

Но Елена не дала ему говорить:

— Я предчувствую большое несчастье... Вы думаете справедливости нѣтъ? Есть справедливость! Судьба мститъ! Бойтесь мести, Василій. Вѣдь вы лучший. Судьба всегда избираетъ для мести лучшихъ. Чтò жъ, смѣйтесь! Скажите мнѣ, что я суевѣрна, что я истерична... Но я чувствую, я чувствую! И вѣрю своему чувству. Я боюсь вашей свадьбы, Василій!

И, сказавъ это, Елена встала:

— Я ухожу.

— Куда?—встревожился Караваевъ. — Какъ же вы пойдете ночью, одна? Я провожу васъ.

— Не надо. Мнѣ близко.—И вышла изъ комнаты.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Повѣсть минувшихъ лѣтъ. Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

I.

Короткія ночи у Анастаса Тимоѳеевича. Восемьдесятъ второй годъ пошелъ ему. Отъ старости худо и спится. Молодые—тѣ спятъ, какъ убитые, долго спятъ. А Лукошкинъ ворочается съ боку на бокъ, жуется губами, вспоминаетъ суворовскіе походы. Забудется на часокъ-другой, а тамъ, глядишь, и блѣдный разсвѣтъ въ окно робко смотритъ. Какой ужъ тутъ сонъ! Птицы такъ свѣжо, поутреннему, щебечуть. Роса жемчужной росой на травѣ блеститъ.

Анастасъ Тимоѳеевичъ, зѣвая, креститъ беззубый ротъ и первымъ дѣломъ привязываетъ къ ногѣ деревяжку. Подъ Измаиломъ ему полноги отхватило турецкимъ ядромъ. Тогда онъ и въ отставку вышелъ секундъ-майоромъ. Анастасъ Тимоѳеевичъ имѣлъ двѣ деревяжки: крытую до блеску желтымъ лакомъ надѣвалъ по праздникамъ, а въ будніе дни ходилъ съ самодѣльной, поглубѣе. Уже много лѣтъ, съ отставки своей, жилъ секундъ-майоръ въ черниговской усадьбѣ князя Атрыганьева. Называлась усадьба Гремячъ.

Въ турецкую войну Лукошкинъ спасъ жизнь молодому генералъ-аншефу, князю Никитѣ Атрыганьеву. Карабиномъ секундъ-майоръ отразилъ ударъ турецкой сабли,—ударъ, грозившій князю. И когда Анастасъ Тимоѳеевичъ лишился ноги и сталъ инвалидомъ-кальткой, Никита Атрыганьевъ и говоритъ ему:

— Поѣзжай ко мнѣ въ Гремячъ; тамъ и оставайся...

Далъ денегъ ему на дорогу. Лукошкинъ и поѣхалъ съ костылями и деревяжкой. Костыли—на первое время, пока не привыкъ, а тамъ и съ палочкой обходился. Бѣгать навострился маленькій, сухонькій старичокъ—молодому не угнаться.

Князь Никита „въ случаѣ“ былъ у императрицы одиннадцать мѣсяцевъ. Кончился фаворъ его, награжденъ былъ землей, тремя тысячами душъ и миллиономъ рублей. Для барскаго дома въ Гремячѣ планы чертилъ Менеласъ, прославленный зодчій. И вышелъ домъ, чтò дворецъ. Фронтонъ съ бѣлыми стройными колоннами. Куполь плоскій надъ нимъ. А къ главному корпусу подковой два крыла примыкающія. Паркъ разбили многодесятиный. Прудъ выкопали. Средь пруда островокъ насыпали и на немъ возвели круглую бесѣдку съ колоннами, „Храмъ Благодарности“. А въ немъ поставили фигуру бронзовую графа Румянцева, котораго князь Никита почиталъ своимъ благодѣтелемъ.

Успѣлъ князь Никита жениться. Успѣлъ на тотъ свѣтъ отправиться вслѣдъ за женой, сына оставивъ. Сынъ успѣлъ въ боль-

шіе люди выйти. А секундъ-майоръ все жилъ себѣ да жилъ. Словно Господь Богъ про него и забылъ!

Въ царствованіе императора Павла молодому князю Николаю Никитичу посчастливилось назначеніе посланникомъ въ Швецію. Но неладное что-то у него было тамъ. И воспослѣдовалъ приказъ Павла:

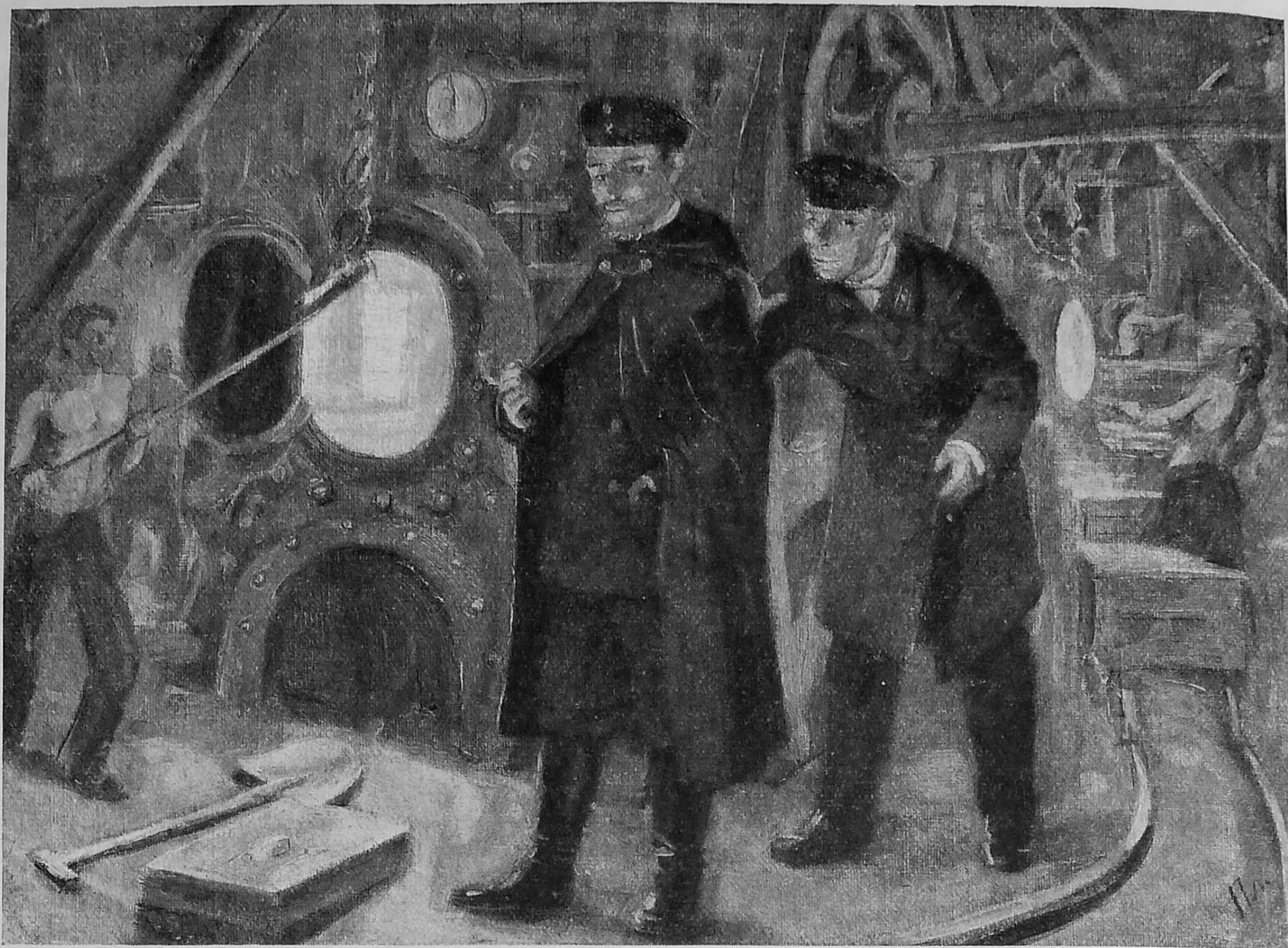
„Посланнику Двора Нашего въ Стокгольмѣ князю Атрыганьеву Николаю объявляемъ дурака и подлеца“.

Послѣ такой обиды князь въ отставку выпросился и до самой смерти Павла жилъ у себя въ Гремячѣ невыѣздно. Взоспелъ на престолъ императоръ Александръ, вызвалъ Атрыганьева въ Петербургъ, обласкалъ и поручилъ видный постъ. Вдовый князь жилъ въ своемъ особнякѣ на Литейномъ. Письмами къ управляющему все сулитъ въ Гремячъ на лѣто пріѣхать. Но вотъ уже четвертый годъ ни слуху ни духу. Далеко изъ Петербурга. Скоро-скоро, пути одного двѣ недѣли.

Лицомъ княжеской дворецъ выходилъ на чистый и ровный дворъ. Всѣ домашнія службы и хозяйственныя постройки были расположены позади дворца... чтобъ не нарушать собою и своей прозой красоты вида. Пейзажъ, такъ широко и привольно раскидывавшійся изъ оконъ дворца, могъ похвастаться красотой. Отъ флигелей, подковой примыкавшихъ къ главному корпусу, шли двумя рядами густокудряя липы. Онѣ какъ бы ограждали дворъ съ боковъ. Дальше сквозь раму липъ, какъ въ театральной декорации, блестѣла гладь пруда. Поднимался изъ нея зеленый островокъ съ бѣлоколоннымъ „Храмомъ Благодарности“. Видна была гранитная пристань съ широкой каменной лѣстницей. Нижнія ступени омывались тихою водою. Въ былое время при князѣ Никитѣ, когда устраивались во дворцѣ балы и многолюдные съѣзды гостей, прудъ покрывался цѣлой флотиліей корабликовъ. Впереди всѣхъ плылъ корабликъ съ княжескимъ оркестромъ, а въ остальныхъ—всѣ участники этихъ пышныхъ увеселительныхъ прогулокъ. Вечеромъ жглись надъ водою потѣшныя огни.

А теперь пусто, безлюдно. Кораблики переташены подъ навѣсы, для нихъ устроенные на заднемъ дворѣ. Эти навѣсы хранятъ затѣйливые кораблики отъ дождя и снѣга.

Дальній берегъ омывалъ опушку неровнаго холмистаго парка. Изъ замка онъ чудился прихотливой темно-зеленой горой, подошедшей къ самому пруду. Стремленіе покойнаго князя Никиты было къ тому, чтобъ паркъ не имѣлъ ни системы ни плана и

Т. Платоновъ. Иллюстрація къ разказу Куприна „Молохъ“.

Т. Платоновъ. Иллюстрація къ разказу Куприна „Молохъ“.

являть собою „дикую натуру“. Такъ и достигнуто было. Глубокіе овраги съ журчащимъ на днѣ ручейкомъ. Прохладныя пещеры, исполинскіе камни, узкіе деревянные мостики, перекинутые съ одной кручи на другую. Кое-гдѣ сооружены были искусственныя развалины. Опоясывала паркъ высокая стѣна изъ маленькихъ кирпичей добротной кладки. Съ двухъ сторонъ стѣна подходила къ озеру вплотную и еще немного продолжалась въ водѣ, такъ что попасть въ княжескій паркъ можно было только на лодкѣ.

На черномъ дворѣ средь бѣлаго городка построекъ затерялся бревенчатый флигель, въ которомъ жилъ секундъ-майоръ Анастасъ Тимоѣевичъ Лукошкинъ.

Чуть-чуть свѣтало. Висѣвшій на стѣнѣ у окна портретъ генералиссимуса Суворова еще неяснымъ пятномъ намѣчался, и нельзя было разобрать, что это — хорошая цвѣтная гравюра на шелку. Зная, какое благоговѣнное чувство питалъ секундъ-майоръ къ Суворову, покойный князь Никита подарилъ Анастасу Тимоѣевичу портретъ генералиссимуса. Эта гравюра на шелку была единственнымъ предметомъ роскоши въ скудномъ обиходѣ стараго инвалида.

Анастасъ Тимоѣевичъ Лукошкинъ утреннимъ своимъ туалетомъ занимался всегда тщательно: привязалъ свою деревянную ногу, чисто выбрилъ сморщенное личико, умылся холодной водой изъ глинянаго рукомойника и на голый черепъ примостилъ парикъ, предварительно попудривъ косу пшеничною мукою. Затѣмъ Анастасъ Тимоѣевичъ надѣлъ короткія панталоны и обтянулъ грубымъ бѣлымъ чулкомъ высохшую икру здоровой ноги. Дальше слѣдовалъ выцвѣтшій синій камзолъ „фридриховскаго“ образца. Нѣсколько минутъ Лукошкинъ молился на образъ, шевеля синими старческими губами. Вотъ онъ ударилъ заключительный поклонъ, взялъ палку, надѣлъ плоскую треугольную шляпу, такую же выцвѣтшую, какъ и фридриховскій камзолъ, и вышелъ на обычную утреннюю прогулку. Уже сойдя съ крылечка, Анастасъ Тимоѣевичъ вспомнилъ, что забылъ табакерку, и вернулся за нею.

Широкая липовая аллея вела отъ двора къ бѣлой каменной церкви. За церковью начиналась деревня. На протяженіи сорока лѣтъ маршрутъ прогулокъ Анастаса Тимоѣевича былъ неизмѣнно одинъ и тотъ же. Не доходя церкви, онъ возвращался во флигелекъ прежней дорогой. Но на этотъ разъ секундъ-майоръ измѣнилъ своему обыкновенію. Онъ уже достигъ церковной ограды, уже хотѣлъ ковылять назадъ, какъ углядѣлъ впереди себя быстро идущую фигуру женщины. И хотя было разстояніе шаговъ двѣсти, дальновзоркій Анастасъ Тимоѣевичъ видѣлъ, что женщина молодая, смуглая и черноволосая. Къ груди она прижимала какой-то свертокъ. Шла одинокая фигура очень быстро, но въ ея неуверенной порывистости не было ничего опредѣленнаго. Женщина какъ бы металась, не зная сама, куда ей приткнуться.

Секундъ-майоръ былъ удивленъ по многимъ причинамъ. Во первыхъ, никто никогда во всемъ Гремячѣ не вставалъ раньше его. Утреннія прогулки Анастаса Тимоѣевича не нарушались ни единой живой душой вотъ уже много лѣтъ. И вдругъ — эта странная женщина... Анастасъ Тимоѣевичъ испытывалъ даже какое-то чувство обиды. Эта фигура своимъ появленіемъ нарушила прочный немудреный укладъ его. Въ самомъ дѣлѣ это была странная женщина! Лукошкинъ зналъ въ лицо всю округу. Но такой не встрѣчалъ. Для крестьянки — слишкомъ пестро и нарядно ея убранство, и при этомъ какая-то дикая, хищная грація движеній. Грація даже въ этомъ безпорядочномъ изъ стороны въ сторону метаніи. И потому, что кругомъ — никого, и въ блѣдномъ влажномъ воздухѣ еще вѣяло ночной дремотой, было что-то зловѣщее въ этой смуглянкѣ, прижимавшей къ груди кучу тряпокъ...

II.

Секундъ-майоръ остановился. Онъ занялъ такую позицію, чтобъ можно было наблюдать, въ свою очередь не будучи видимымъ женщиной, если бѣ она обернулась. Колонны церкви скрывали секундъ-майора. Человѣкъ, испытавшій не мало боевыхъ случайностей, Анастасъ Тимоѣевичъ спокойно смотрѣлъ изъ-за своего прикрытія и даже вынулъ табакерку. Но добрая понюшка застыла въ сухихъ, землистыхъ пальцахъ секундъ-майора. То, чему былъ свидѣтелемъ онъ, далеко выходило за границы обычнаго...

Съ той же нерѣшительностью, сопровождавшей каждый шагъ, женщина задержалась у крылечка низенькаго домика, гдѣ жилъ дьяконъ Амфилохій Добровъ. Въ озиравшемся взглядѣ ея было столько скорби и муки, что Анастасъ Тимоѣевичъ, хотя и вояка, но старикъ чувствительный и добрый, предпочелъ бы втиснуться въ каменную колонну, только бы не встрѣтить еще разъ подобный взглядъ. Это странное существо нагибается, кладетъ на ступеньки носу и убѣгаетъ узенькой между плетнемъ и гумнами улочкой, ведущей къ коноплянному полю. Въ свѣжемъ воздухѣ слышался острый запахъ этой конопли.

Теперь Анастасъ Тимоѣевичъ уже покинулъ свое убѣжище. Что было духу, ковылялъ онъ скоренько-скоренько къ Амфилохіеву крылечку и, когда нагнулся къ тому, что лежало въ тряпкахъ, — увидѣлъ крохотное, однако уже съ опредѣлившейся смуглотою личико. Беззубая щелка на этомъ личикѣ вдругъ искривилась, и тонкій не то плачь, не то пискъ огласилъ вдумчивую предразсвѣтную тишину.

Анастасъ Тимоѣевичъ потерялся, не зная, что предпринять.

Ему было жаль плачущаго младенца. Но если его взять на руки, то видъ незнакомаго лица заставитъ его расплакаться пуще. Но и не покинуть же младенца на произволь судьбы, ибо онъ можетъ потерпѣть отъ бѣгущей мимо собаки или, что гораздо хуже, — отъ свиньи. Анастасъ Тимоѣевичъ знавалъ примѣры, когда свиньи съѣдали младенцевъ. Въ такомъ разсужденіи онъ лучшимъ выходомъ изъ всей этой казуальной исторіи почелъ разбудить дьячка Амфилохія. Ему подкинуть младенца, ему и надлежитъ озариться судьбою этого крохотнаго безпокойнаго существа, заливающегося громче и сильнѣй до спазмовъ и слюнявыхъ пузырьковъ, которые бульбились надъ искривленной щелочкой ротика...

— Вотъ прости и помилуй, Господи! Въ первый разъ такое, — шепталъ инвалидъ, разводя руками.

А плачь все неистовѣй. Личико вздулось, посинѣло, — вотъ-вотъ зайдетъ ребенокъ.

Стуча деревянной ногой, поднялся секундъ-майоръ на крылечко и давай барабанить въ дверь палкой. Долго — никакого отвѣта. Наконецъ въ маленькомъ окнѣ, точно въ рамѣ, появилось недовольное и заспанное лицо Амфилохія. „Кто тамъ еще будитъ ни свѣтъ ни заря?“ Но увидѣвъ Анастаса Тимоѣевича, къ которому питалъ глубочайшее уваженіе, какъ къ благородному офицеру и воину, Амфилохій смягчился и закивалъ взлохмаченной головой. Сейчасъ выйду, молъ.

И дѣйствительно, черезъ минуту вышелъ, громадный, неуклюжий, стараясь одновременно запахивать длинныя полы стараго валнаго кафтана и придерживать сползавшіе штаны. Спросонокъ Амфилохій не сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

Секундъ-майоръ, указывая ему на младенца, произнесъ не безъ торжественности:

— Амфилохій, таковъ перстъ судьбы твоей!..

Дьячокъ всей пятерней скребъ затылокъ свой съ расплетенной на ночь косицей. Перстъ судьбы въ видѣ этого орущаго комочка пришелся ему не особенно по душѣ.

— Куды манѣ яго дѣвать, Анастасъ Тимоѣевичъ, куды?.. Чалавѣкъ я бѣдный, чалавѣкъ я вдовый. Нашла, кому подкинуть, лахудра! И что это еще за дѣвка, проклятая? Когда бѣ я ее злавилъ, я бы ей оба глаза выдралъ!..

— Ну, это, братецъ, не того, не по-христіански, — перебилъ секундъ-майоръ. — А поймать не поймаетъ, — далеко убѣжала. Не здѣшня... Самъ видѣлъ, какъ подкинула. Можетъ-быть, она теперь и жизни своей не рада, а ты — „оба глаза выдеру“. Не злой человѣкъ, а ерунду порешь. Ежели пришлось, то это — съ большаго горя сдѣлано; такъ мать свое дитѣ родное на произволь фортуны не кинетъ... Подступило, ну и понимаешь... Однако тащи младенца въ хату...

Въ хатѣ ребенокъ успокоился. Амфилохій водворилъ его, этотъ кулечекъ, на свою жесткую, грязную постель въ родѣ звѣринаго логовища. Да и самъ косматый дьячокъ былъ похожъ на косматаго звѣря. Шерсть покрывала его грудь и руки. Волосы торчали пучками изъ ушей и изъ носа, а брови на удивленіе — были широкія и густыя.

Секундъ-майоръ подвинулъ табуретъ, сѣлъ, положивъ на колѣни фридриховскую треуголку, пожевалъ губами и, зарядивъ носъ щедрой понюшкой табаку, началъ:

— Ну, другъ Амфилохій, будемъ держать совѣтъ. Умъ хорошо, два лучше... Я на предметъ младенца сего выскажу такое мое разсужденіе: давай, будемъ вмѣстѣ растить его и пестовать. Ты человѣкъ бѣдный, это правда. Но и я, грѣшный, царемъ Крезомъ никогда не былъ. Старъ я, чего мнѣ отъ Бога желать? По милости благодѣтелей моихъ ни въ чемъ не нуждаюсь и, кромѣ этого, еще двѣнадцать рублей ассигнаціями получаю въ мѣсяць государевой пенсіи. Какъ видишь — денегъ куры не клюютъ! — разсыпался дробнымъ старческимъ смѣхомъ суворовскій ветеранъ. — Шутки, конечно, это все. Ну, а все же въ сундучкѣ серебра... нозваниваетъ. Такъ къ чему же я рѣчь веду? Что ты скажешь, Амфилохій, на такую пропозицію? Нуцай младенецъ у тебя выкармливается. Стряпуха твоя, тетка Марія, соску-то сумѣетъ заправить. А я тебѣ каждый мѣсяць на воспитаніе буду по шести рублей выдавать. Подрстетъ — увидимъ, что дальше. Раньше времени загадывать не годится. Ну, какъ ты на сіе судишь?

Амфилохій запустилъ пятерню въ непролазную гущу гривы своей. Во всѣхъ затрудительныхъ случаяхъ жизни прибѣгалъ онъ къ этому способу.

— Что жъ, Анастасъ Тимоѣевичъ. Разъ ваша милость — я и руками и ногами. Не пропадать же младенцу. Надо его довести...

— И доведемъ, Амфилохій, доведемъ, — скрѣпилъ секундъ-майоръ.

Такъ съ этого знаменательнаго утра и остался подкинутый въ дьячковой хатѣ и скоро сдѣлался любимцемъ не только Амфилохія, но и сварливой стряпухи Маріи. Каждый день приковыливалъ Анастасъ Тимоѣевичъ. Онъ сидѣлъ, жевалъ губами, нюхалъ табакъ и часами не спускалъ добрыхъ, слезящихся глазъ съ младенца. Одинокій ветеранъ, жившій въ новомъ вѣкѣ, среди новыхъ людей, для которыхъ весь онъ былъ пережиткомъ со своей пудреной косой и прусскимъ кафтаномъ, привязался къ подкинутому, какъ не привязывался никогда ни къ кому за все свое безконечное бытіе. Чувство его къ Суворову нельзя было назвать привязанностью. Это было боготвореніе величайшаго вождя и солдата.

Никакой пояснительной записки при младенцѣ не оказалось. Поэтому рѣшено было скорѣе совершить надъ нимъ обрядъ крещенія. Долго совѣтовался Амфилохій съ Анастасомъ Тимоѣевичемъ, какое имя дать подкидышу. Перелистывалъ святцы. Захотѣлось ему во что бы то ни стало назвать малютку Аполлономъ.

Сначала секундъ-майоръ протестовалъ:

— Гм... Аполлонъ... Языческой вѣрой папахиваетъ. Храмъ Аполлона... Богъ былъ такой у грековъ, Аполлонъ...

Но когда Амфилохій неуклюжимъ корявымъ пальцемъ отмѣтилъ въ святцахъ смущавшее его имя, сомнѣнія Анастаса Тимоѣевича разсѣялись.

Но имя—именемъ. Надобно младенцу еще и фамилію. Въ святцахъ этого не найдешь, а въ свою собственную изобрѣтательность и фантазію дьячокъ не особенно вѣрилъ. Онъ даже на Лукошкина не особенно полагался и говорилъ съ нимъ о фамиліи больше развѣ для очистки совѣсти. Всѣ упованія его были на отца Герасима.

— Этотъ человекъ такую фамилію придумаетъ! И дѣйствительно придумалъ.

— Какъ назовете младенца?

— Аполлономъ, батюшка...

— Аполлономъ... Красивое имя, здорово звучитъ! Господское имя. Ну, да все едино,—отецъ Герасимъ погладилъ густую съ просѣдью бороду: — вотъ ему и фамилія готова. Бельведерскій! И да будетъ онъ Аполлономъ Бельведерскимъ!

— Это чтò же такое, батюшка, Бельведерскій? Красиво, чтò и говорить, а только я не могу уразумѣть.

— И разумѣть не надо. Мало ли чего не разумѣешь. Будь смиренъ и скромнъ и не тщися все знать, ибо это есть уже гордыня...

Отецъ Герасимъ окрестилъ младенца. Воспріемнымъ отцомъ Аполлона Бельведерскаго былъ секундъ-майоръ. Къ этому случаю готовился онъ весьма торжественно. Анастасъ Тимоѣевичъ сѣзидилъ въ городъ Суражъ и купилъ тамъ золотой крестикъ. Хотя Суражъ отстоялъ лишь верстахъ въ десяти, Лукошкинъ лѣтъ пятнадцать не былъ въ городѣ. Держалъ у купели крестника своего Анастасъ Тимоѣевичъ парадный, чисто выбритый, и ногу прицѣпилъ крытую лакомъ, праздничную. На груди висѣли вынутые изъ сундука воинскія регалии. Кумою была попадьа.

Гдѣ-то въ глуши Черниговской губерніи безвѣстный, подкинутый мальчикъ вступилъ въ жизнь подъ громкимъ античнымъ именемъ Аполлона Бельведерскаго. Это ли не курьезнѣйшій изъ анекдотовъ? Но изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, что и все послѣдующее существованіе Аполлона Бельведерскаго сложилось весьма необыкновенно, временами почти сказочно даже.

III.

Тайна происхожденія подкидыша длилась не болѣе дня.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гремяча текла межъ привольныхъ луговыхъ береговъ рѣка Ипуть. Рыбаки подъ самымъ Суражемъ выловили сѣтями трупъ молодой черноволосой женщины. Приѣхали на берегъ власти, поставили у тѣла двухъ будочниковъ съ алебардами. Собралась толпа. Сперва никто не могъ узнать утопленницу. Но случился одинъ купеческій сынъ изъ Нѣжина. Этотъ лишь глянулъ въ посинѣвшее лицо, черты котораго хранили еще красоту, благимъ матомъ заоралъ на весь лугъ:

— Батюшки-свѣты! Цыганка... Таборъ ихній у насъ подъ Нѣжинымъ кочевалъ... Чтò эти самые проклятые цыгане всякаго добра у слободскихъ накрали!.. Страхъ одинъ!..

— А ты энергіи не показывай, нашель время!—оборвалъ купеческаго сына толстый краснолицый исправникъ и ткнулъ его кулакомъ по шеѣ.

Купеческій сынъ присмирѣлъ и уже тихо, смущенно рассказывалъ все, чтò зналъ. А зналъ онъ вотъ что:

Прошлымъ годомъ въ Нѣжинѣ колобродилъ на ярмаркѣ богатый гусаръ. За ремонтомъ приѣхалъ. И „курилъ“ же онъ! Дымъ стоялъ коромысломъ! Чего-чего только не было! Шампанскимъ лошадей поилъ. Грековъ и жидовъ заставлялъ пить касторку. А не хочешь—вотъ тебѣ сейчасъ пуля изъ пистолета! Ну, и пили! А потомъ онъ ихъ веревкою по трое-четверо вмѣстѣ связывалъ, да на всю ночь такъ и оставить въ закрытомъ чуланѣ... Завертѣлся онъ съ этой самой цыганкой. Дѣвица была. Выкралъ ее изъ табора и увезъ. Такъ и отбилась отъ своихъ. А городничій нашъ прогналъ таборъ. Потому больно воровато сдѣбалось фараоново племя... А потомъ услышали мы, цыганка—тяжела стала. Гусару поднадоѣло. Ну, онъ ей червонцевъ горсть и—вотъ Богъ, вотъ порогъ. Червонцы-то живо стаяли. Былъ ли, нѣтъ ли ребеночекъ, кажись, былъ... Все своихъ искала, таборъ... Вотъ и нашла!

Повѣствованіе купеческаго сына изъ устъ въ уста достигло секундъ-майора и Амфилохія. Анастасъ Тимоѣевичъ обрадовался: дворянская кровь, надо его растить поделикатнѣй. И въ избыткѣ щедрости секундъ-майоръ воскликнулъ:

— Пуцай вся моя государева пенсія идетъ на него. Амфилохій, старайся!..

Амфилохій и безъ того уже старался. Чуть Марія чтò не такъ, или, по его мнѣнію, грубо возьметъ на руки младенца, или соску не такъ заправитъ—онъ на нее звѣрь звѣремъ:

— Бабища окаянная! чтò это тебѣ дровъ полѣно, что ли?..

Окрики подобные были несправедливы. Марія сама всей душой дрожала надъ подкидышемъ. Загнанная, некрасивая, старая, она

никогда не знала ничего, кромѣ тяжелой работы. Ни любви ни радостей материнства. И вдругъ тутъ же рядомъ, подъ бокомъ, пищить и ловить воздухъ крохотными пухлыми ручонками безвсѣ свои помыслы и заботы?..

Минуло пять лѣтъ. Минуло незамѣтно. Ничто кругомъ не измѣнилось. Попрежнему стоялъ безлюднымъ дворецъ, и попрежнему князь Никита изъ года въ годъ сулился приѣхать. Ничуть не было переменъ въ секундъ-майорѣ. Все такъ же висѣлъ у него на бревенчатой стѣнѣ портретъ Суворова. Такъ же совершалъ Анастасъ Тимоѣевичъ утреннія прогулки ни свѣтъ ни заря. По праздникамъ ходилъ въ церковь съ крытой лакомъ деревяжкой-ногой. Пудрилъ косу пшеничной мукою. И вмѣстѣ съ плоской фридриховской треугольной шляпой коса эта являлась еще болѣе шимъ пережиткомъ среди нынѣшнихъ людей александровскаго царствованія, среди затянутыхъ въ узкіе мундиры военныхъ съ капулями, среди цвѣтныхъ сюртуковъ съ пелеринами и кисточекъ на сапогахъ.

Но въ церкви секундъ-майоръ не стоялъ, какъ въ былые годы, одинокимъ. Рядомъ съ нимъ всегда—черноволосый кудрявый мальчикъ поразительной красоты, одѣтый чистенько, даже щеголевато. Иждивѣніями и хлопотами суворовскаго инвалида заказывались ему въ Суражѣ плисовые штанишки и рубашонки разныхъ матерій и колеровъ. Унаслѣдовалъ Аполлонъ жгучую пыганскую красоту матери лишь отчасти. Она смягчалась другою, болѣе сѣверной породой отца. Поэтому глаза мальчика не были миндалевиднаго египетскаго прорѣза, и смотрѣли они глубокиѣ, черныѣ, блестящія, широко и кругло. Когда онъ смыкалъ вѣки, длинныя рѣсницы шелковымъ сіяніемъ ложились на матовое личико. А профиль хотя былъ рѣзкій, но спокойный и правильный.

Съ первыхъ шаговъ сознательнаго отношенія къ окружающему веселость и кипучесть характера мальчика омрачались грубыми и жестокими выходками крестьянскихъ дѣтей. Для нихъ онъ былъ чужакъ, этотъ одиноко росшій въ амфилохіевой хатѣ смуглый и тонкій, барченкомъ растившійся мальчикъ. У голодныхъ и грязныхъ дѣтей смутно шевелилось двойственное чувство къ нему. Съ одной стороны—зависть, съ другой—презрѣніе къ подкидышу безъ отца—матери. Въ Аполлона часто летали брошенные мѣткою рукою камешки. И вмѣстѣ со свистомъ ихъ долетало:

— Подкидышь цыганскій, цыганскій паничъ!..

Ребенокъ не понималъ. Но въ словѣ „подкидышь“ чудилось ему что-то злое, оскорбительное, постыдное. Разъ послѣ одной такой травли онъ въ слезахъ прибѣжалъ къ Амфилохію и, судорожно ухватившись ручонками за дьячковскій кафтанъ, спрашивалъ сквозь всхлипыванія:

— Дяденька, они... они меня подкидываютъ кличуть... Чтò это такое, что-нибудь гадкое?.. Подкидышь?..

Дьячокъ громадной лапшей своей осторожно гладилъ черныѣ Аполлоновы кудри. А самъ насутился туча-тучей:

— А хто же... хто же это тябѣ такъ кличетъ?

— Хлопцы, дяденька...

— Ты мнѣ покажи тѣхъ... которые. Я имъ уши пообрываю... Не зацѣпляй!..

„Подкидыша“ Амфилохій пропустилъ мимо. Но это непонятное слово раскаленнымъ гвоздемъ жгло мальчикову головенку. Онъ приставалъ и къ секундъ-майору.

— Дѣдушка, ты старенькій, ты все знаешь, скажи!..

— Чего тебѣ сказать?..

— Чтò это значитъ... подкидышь?

Анастасъ Тимоѣевичъ, смутившись, долго жевалъ губами. Полѣзъ табакерку вытаскивать. Долго заряжалъ носъ понюшкой. А ручонки тянулись къ нему, теребили фридриховскій камзолъ, ожидая отвѣта... И два темныхъ глубокихъ глаза съ недѣтской тоской вопрошали его слезящіяся выцвѣтшіе глаза.

Молчать нельзя было. Надо говорить, а чтò онъ скажетъ? Фантазировать Анастасъ Тимоѣевичъ не гораздъ былъ. Это не съ турками биться. Избѣгая Аполлонова взгляда, онъ мямлилъ:

— Гм., видишь ли, дружище... Какъ бы это тебѣ поскладнѣй объяснить... Только вотъ малъ ты еще, глупенекъ,—не поймешь. Такіе предметы надо съ соображеніемъ... Ты бы вотъ лучше спросилъ, куда моя правая нога дѣвалась?

— Такъ ты же рассказывалъ, дѣду: на войнѣ отрубили.

— Вотъ и не знаешь. Во-первыхъ, и вовсе не отрубили, а, во-вторыхъ, чтò такое на войнѣ?.. Этого мало—на войнѣ! Да это, дружище, цѣлая большая авантюра.

Встрѣчая такое враждебное отношеніе у крестьянскихъ дѣтей, ребенокъ мало-по-малу замыкался въ своемъ неясномъ и смутномъ міркѣ. Онъ избѣгалъ хлопцевъ съ ихъ камешками, бранью и травлей. Но нельзя же совсѣмъ запрятаться. Не обходилось безъ грубыхъ столкновеній. Разъ Аполлона перехватилъ у церкви клопецъ Никитка съ облупившимся отъ загара веснушчатымъ лицомъ, и бѣлаго пеньковаго цвѣта, остриженными въ кружокъ, волосами. Ноги его потрескались отъ грязи и солнца. Аполлонъ хотѣлъ пройти мимо сторонкой. Но Никитка вызывающе загордился ему путь:

— Здоровъ бувъ, цыганскій паничъ!..

Аполлонъ задрожалъ весь, горячей краской вспыхнулъ. О, какъ хотѣлось ему броситься и забарабанить кулачонками по этому ненавистному шелушащемуся лицу въ рыжихъ веснушкахъ! Но

Никитка былъ выше его головой и крѣпокъ и силенъ, какъ маленькій скіеъ. Сознавая свое превосходство, онъ, подбоденясь, вплотную подошелъ къ Аполлону, который былъ рядомъ съ нимъ такой нѣжный и хрупкій, словно существо совсѣмъ другого міра.

— А я лучше тебя, — съ похвалой началъ Никитка: — лучше, дарма что у тебя плисовые штаны...

Аполлонъ молча, съ ненавистью отводилъ глаза, но всюду встречалъ твердую, широкую грудь Никитки, просвѣчивающую сквозь рваную рубаху.

— А для того я лучше тебя, — продолжалъ Никитка: — что у меня есть батька съ маткой, а у тебя нема! Плюну я тебѣ въ морду, — вотъ что, сволоцюга паршивая!..

И, не сдѣлавъ набравшись воздуха, Никитка плюнулъ прямо въ матовое, искаженное мукой, личико. Затѣмъ далъ Аполлону такой подзатыльникъ, что у того заходило въ глазахъ, и прытко убѣжалъ, выбивая пыль по дорогѣ.

У ребенка хватило силы только въ хату вбѣжать. Потрясаемый рыданіями, онъ упалъ на полъ и катался, бѣся головою о ножки табуретокъ и кровати. А когда изнемогъ отъ усталости — затихъ съ размазанными по лицу Никиткинымъ плевкомъ и слезами. Такъ его увидѣлъ Амфилохій.

— Чаго съ тобою, дѣтка?..

Закраясь и снова плача, мальчикъ разсказалъ ему свои злоключенія.

Амфилохій кое-какъ смастерилъ на своемъ волосатомъ лицѣ усмѣшку:

— Ото и дурень же Никитка! Кто жъ виноватъ, что твои matka съ батькой рано померли... Ото дурень!.. Ну, я жъ ему задамъ перцу!..

И дѣйствительно задалъ. Поймать Никитку было нетрудно: вѣчно слонялся по деревнѣ. Обманувъ его фальшивымъ спокойствіемъ, дьячокъ схватилъ Никитку за волосы и моталъ его до тѣхъ поръ, пока не занѣмѣли пальцы.

— Будешь помнить до новыхъ вѣнниковъ, подлюга! А еще разъ зацѣпишь мальчика — уши съ корнями повырываю!..

Съ этого дня тише воды, ниже травы присмирѣлъ неугомонный Никитка.

IV.

Двѣнадцатый годъ съ его битвами, разоренными усадьбами, подъемомъ духа народнаго, вся эта яркая трагическая эпопея до бѣгства Наполеона съ жалкими „недобитками“ грозной великой арміи включительно — все это глухо, дуновіемъ крыла коснулось черниговской глуши.

Больше всѣхъ въ Гремячѣ интересовался войною княжескій управляющій Сигизмундъ Феликсовичъ Погоржельскій. Въ душѣ завидный полякъ, онъ тайно всѣми помыслами радѣлъ корсиканцу, какъ избавителю его отчизны отъ московскаго гнета.

Секундъ-майоръ интересовался войной лишь съ точки зрѣнія успѣховъ русскаго оружія. Частности же не занимали его нисколько. Къ нашимъ генераламъ Анастасъ Тимоѣевичъ относился крайне скептически. Исполинская фигура великаго Суворова все заслоняло собою.

Анастасъ Тимоѣевичъ вздыхалъ:

— Эхъ, былъ бы теперь, царствіе ему небесное, Александръ Васильевичъ!.. Онъ бы ему показалъ, Наполеону-то этому самому!.. Онъ его у самой границы расколупматилъ бы на всѣ корки!..

Къ этому времени Аполлону было уже десять лѣтъ. Мальчикъ выравнивался и хорошѣлъ. Онъ уже овладѣлъ письмомъ и грамотой, бѣгло читалъ свѣтскія и духовныя книги. Это все, что могли ему дать Амфилохій и секундъ-майоръ изъ своихъ, такъ сказать, личныхъ познаній. Но планы секундъ-майора, которому шелъ уже девяносто третій годъ, и который все еще держался молодець-молодцомъ, — были шире. Самъ учившійся на мѣдныя деньги, самъ еле грамотный, онъ мечталъ сдѣлать изъ своего крестника образованнаго человѣка. По его уму и способностямъ это Самъ Господь Богъ велѣлъ. Но какъ приступить? На двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ, да еще къ тому ассигнаціями, — не больно-то раскутишься. Анастасъ Тимоѣевичъ безъ конца совѣтовался съ отцомъ Герасимомъ, Амфилохіемъ и Сигизмундомъ Феликсовичемъ. Попъ, а за нимъ, конечно, и Амфилохій — стояли за бурсу. Дальше, глядишь, не трудно и въ кievскую академію пробраться. Дорога передъ нимъ широкая можетъ открыться... Но Анастасъ Тимоѣевичъ былъ рѣшительно противъ духовной карьеры. Старикъ богомольный, религіозный, секундъ-майоръ питалъ какую-то безотчетную неприязнь къ „жеребчачей породѣ“. Больше всего, конечно, хотѣлъ бы видѣть онъ своего крестника военнымъ. Но по собственному горькому опыту Анастасъ Тимоѣевичъ зналъ, какъ трудно пробиться въ армію не дворянину. Безконечная лямка сначала юнкеромъ, потомъ прапорщикомъ и цѣлая вѣчность до скромныхъ поручичьихъ эполетъ. Разумѣется, въ боевое время при извѣстномъ счастьѣ движеніе быстрое. Но войны не каждый годъ бываютъ. Сиди да жди у моря попутнаго вѣтра.

Сигизмундъ Феликсовичъ совѣтовалъ написать князю въ Петербургъ. Сердце у князя доброе, и онъ можетъ принять участіе въ судьбѣ мальчика. А если только пожелаетъ да возьмется — при его связяхъ легче легкаго опредѣлить сироту на казенный счетъ въ какое-нибудь учебное заведеніе. Но въ концѣ концовъ передъ мальчикомъ неожиданно развернулась такая дорога, что никому изъ окружающихъ и въ голову не могло прийти. А все случай на-

толкнулъ. Да развѣ жизнь человѣческая не сплетеніе всевозможныхъ случаевъ, большихъ и малыхъ?

Въ пяти верстахъ отъ Гремяча лежало имѣніе Алексѣя Алексѣевича Вертищева. И называлось оно — Вертищево. Даже по тому времени Алексѣй Алексѣевичъ почитался великимъ самодуромъ и азіатомъ. Внѣшностью онъ былъ подѣ стать всѣмъ его дѣламъ и затѣямъ. Громадный, неуклюжій, ходилъ семенящей перевалкой. На красномъ, какъ фонарь, отъ вѣчныхъ попокъ лицѣ — грязно-сѣдые висячіе усы и маленькіе глазки, въ которыхъ было много тупой спеси.

Давно еще, при Екатеринѣ, Вертищевъ безъ году недѣлю служилъ въ гусарахъ. Съ тѣхъ поръ онъ успѣлъ какъ-то безнадежно опуститься и одичать. Даже обликомъ своимъ не походилъ Алексѣй Алексѣевичъ на богатаго помѣщика, стараго дворянина. Ходилъ онъ въ какихъ-то архаикахъ, грязныхъ, засаленныхъ, въ казакинахъ, съ патронами на груди и съ кинжаломъ у пояса. Вертищевъ былъ женатъ, но никто никогда не видѣлъ этого бѣднаго, загнаннаго существа. Женѣ приказано было безвыходно жить въ маленькомъ флигелѣ. А въ большомъ барскомъ домѣ, средь какой-то смѣшанной обстановки, среди турецкихъ дивановъ, сѣделъ, ошейниковъ, — совсѣмъ киргизское кочевье какое-то, — Алексѣй Алексѣевичъ устраивалъ безобразные кутежи съ крѣпостными „одальками“ и толпой гостей — случайныхъ, съ бору да съ сосенки. По отношенію къ крестьянамъ это былъ звѣрь. Въ особенности хмельной, — а трезвый онъ бывалъ рѣдко, — Вертищевъ не зналъ состраданія и пощады. Не такъ поклонился, не такъ взглянулъ его рабъ, все равно кто — мальчикъ, дѣвушка, сѣдой старикъ дѣдъ, — всѣхъ одинакова участь! Розги, плети, сидѣнье въ тяжелыхъ колодахъ.

Невмоготу было терпѣть мужикамъ такого помѣщика. Лучше Сибирь, чѣмъ такое житіе. Неоднократно стоваривались убить Вертищева. Но при его громадной силѣ и вѣчномъ, какъ бритва остромъ, кинжалѣ у пояса это явилось бы дѣломъ не легкимъ.

Рьяный борзятникъ, Алексѣй Алексѣевичъ держалъ громадную псарню. Собака изъ лучшихъ была ему дороже и милѣй крѣпостной души. Однажды волки задрали на-смерть двухъ любимыхъ псовъ его. Вертищевъ разослалъ тѣмъ знакомымъ, что не гнушались еще бывать у него, грамотки слѣдующаго содержанія:

„Алексѣй Алексѣевичъ Вертищевъ съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ о кончинѣ борзыхъ собакъ Догоня и Зайчихи. Засимъ приглашаетъ сначала на заупокойную мессу, а затѣмъ къ большому поминальному столу“...

Попъ, при всей своей подневольной убогости, отказывался служить въ церкви „заупокойную мессу“. Но Вертищевъ по-своему вразумлялъ его:

— Дурья голова! Пучокъ анаѣемскій! Вѣдь не панихида же это, а месса!

Священникъ упалъ ему въ ноги:

— Алексѣй Алексѣевичъ... милость ваша, не губите!..

— Ну, вставай, чего зря валяться, вставай! Боишься въ церкви, — чортъ съ тобой, въ барскомъ домѣ отслужишь... Но ужъ отъ этого не отвертись... А будешь канючить да хныкать — не посмотрю на твой санъ и прикажу заголить подрясникъ и высыпать!.. Съ мѣсяцъ не сядешь!..

Скандалъ вышелъ на всю губернію. Трое сутокъ длился въ Вертищевѣ „большой поминальный столъ“. Сколько вина было выпито! Сигизмундъ Феликсовичъ писалъ объ этомъ въ Петербургъ князю Никитѣ, умоляя при случаѣ доложить объ этомъ государю... Князь Никита, человѣкъ европейскаго воспитанія, самъ возмущился поведеніемъ азіата. Улучивъ минуту, онъ доложилъ Александру Павловичу о кощунственномъ преступленіи Вертищева, коего сосѣдомъ по усадьбѣ онъ имѣетъ несчастіе быть. Государь возмущился до глубины своей рыцарской души. Почти со слезами вырвалось у него:

— Пора положить предѣлъ всѣмъ этимъ ужасамъ... Господи, сколько растлѣвающаго въ рабовладѣніи!..

Черниговскій губернаторъ получилъ изъ Петербурга приказъ настрожайше расслѣдовать случай съ заупокойной мессой по собакамъ. Слѣдствіе сначала велось энергично. Увидѣвъ, что шутки плохи, Алексѣй Алексѣевичъ рѣшилъ засыпать своихъ судей деньгами. И засыпалъ. И хотя это произвело и безъ того въ распатанномъ и запутанномъ богатствѣ его глубокую брешь, однако же дѣло потихонечку замяли. Такъ оно и заглохло. А присмирѣвшій на время Алексѣй Алексѣевичъ опять развернулся махровымъ цвѣткомъ... Облюбовавъ у сосѣдняго могилевскаго помѣщика Урбанскаго двухъ собакъ вмѣсто покойныхъ Зайчихи и Догоня, Вертищевъ предложилъ вымѣнять ихъ на двухъ пригожихъ дѣвокъ, вышивальщицъ бисеромъ. Урбанскій, зная, какой страстный Алексѣй Алексѣевичъ собачникъ, долго ломался, требуя въ придачу еще кондитера, обучавшагося своему искусству въ Бѣлскаменной. Вертищевъ пожертвовалъ и кондитеромъ, ибо до сладостей былъ не охотникъ, — и мѣна состоялась.

Отъ „вѣрныхъ“ людей Вертищевъ узналъ, какую роль игралъ Сигизмундъ Феликсовичъ Погоржельскій въ его дѣлѣ.

— Погоди же, паршивый полячишка! Только онъ мнѣ въ руки попадется — выпорю, какъ сидорову козу. Не посмотрю, что Атрыганевскій управляющій! — хвастался Алексѣй Алексѣевичъ на людяхъ.

Ему несмѣло возражали, что, какъ-никакъ, Сигизмундъ Феликсовичъ — дворянинъ.

— Какого чорта онъ дворянинъ, коли самъ же своими подлыми доносами позоритъ наше дворянское сословіе!

Дерзкія похвалы азіата не минули ушей Погоржельскаго. Онъ принялъ къ свѣдѣнію и намоталъ зловѣщую угрозу на свои длинные польскіе усы... Отправляясь куда-нибудь изъ Гремяча, онъ бралъ съ собою цѣлый отрядъ изъ десяти отлично вооруженныхъ саблями и карабинами всадниковъ.

V.

Сигизмундъ Феликсовичъ занималъ со своей семьей просторный каменный флигель на черномъ дворѣ. Мягкимъ іюньскимъ вечеромъ къ этому флигелю подошелъ свѣжій розовый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, въ опрятномъ сюртукѣ хорошей, пожалуй, столичной кройки. На крылечкѣ сидѣла супруга Сигизмунда Феликсовича, полная, дородная Александра Игнатьевна. Погоржельскій, несмотря на тяготѣніе ко всему родному, польскому, былъ женатъ на чистокровнѣйшей русской изъ обѣднѣвшихъ дворянокъ и весьма былъ счастливъ съ нею.

Молодой человѣкъ съ учтивостью приподнялъ высокую шляпу:

— Простите, пожалуйста, за утрудженіе. Могу я видѣть Сигизмунда Феликсовича?

— А сейчасъ нѣтъ мужа, — пѣвуче отвѣтила Александра Игнатьевна. — Пошелъ туда гдѣ-то, — указала она пухлой и бѣлой рукой вдоль широкой аллеи. — Можетъ, къ дьячку Амфилохію зашелъ. Онъ часто туда заходитъ. И Анастасъ Тимоѣевичъ, вѣрно, тамъ.

— А кто такой Анастасъ Тимоѣевичъ?..

Погоржельская всплеснула руками:

— Какъ, сударь, вы не знаете Анастаса Тимоѣевича?

Молодой человѣкъ, видимо, устыдившись своего невѣжества, виновато улыбался.

— Сейчасъ видать, вы не здѣшній.

— Съ одной стороны, я здѣшній, а съ другой — вы дѣйствительно правы. Я вотъ лѣтъ уже десять, какъ живу въ Санктъ-Петербургѣ и только черезъ три года въ четвертый пріѣзжаю въ эти края въ вакаціонные лѣтніе мѣсяцы.

— Вы кто же такой будете, сударь?.. — заинтересовалась Погоржельская.

— Я изъ Вертищева, крѣпостной господина моего Алексѣя Алексѣевича Вертищева.

Опять Александра Игнатьевна всплеснула руками:

— Да не можетъ же быть! Такой у васъ видъ, такое обхожденіе... и вдругъ — крѣпостной! Вы шутки изволите шутить!

Молодой человѣкъ церемонно приподнялъ шляпу:

— Я не смѣю шутить съ такой почтенной особой, которую къ тому же имѣю честь видѣть впервые. Къ сожалѣнію, то, что я сказалъ, — есть горькая истина... — Тутъ онъ спохватился: не брякнулъ ли чего-нибудь лишняго? Даже опасливый взглядъ бросилъ по сторонамъ.

Но Александра Игнатьевна успокоила его:

— А вы не бойтесь. Мы не передатчики. Особливо, коли этотъ проклятый азіатъ замѣшанъ. Вѣдь вы знаете, Сигизмундъ Феликсовичъ на ножахъ съ этимъ чортомъ.

— Знаю. И хотя я всего нѣсколько дней пріѣхалъ изъ Санктъ-Петербурга, распря эта мнѣ доподлинно извѣстна... Супругъ вашъ — человѣкъ весьма достойный. И вотъ почему на основаніи этой распри великая просьба моя, чтобы мое посѣщеніе Гремяча осталось въ секретѣ.

— Да ужъ чего тамъ, сказано — не передатчики! А вы что въ Питерѣ-то дѣлаете?

— Воспитываюсь въ академіи художествъ... Я — живописецъ.

— А, вотъ какъ. Это что же, азіатъ васъ послалъ учиться?..

— Да, это была воля господина Вертищева... Ему внушили, что ежели я пройду курсъ академіи художествъ, и выйдетъ изъ меня изрядный живописецъ, меня можно будетъ выгодно продать либо временно уступить кому-нибудь на арендныхъ условіяхъ.

— И бываютъ же люди, прости, Господи! — вздохнула Погоржельская. — Знали бы вы, сударь, какъ хорошо живетъ княжескимъ крестьянамъ!

— Наслышанъ и полонъ зависти, что судьба не дала мнѣ родиться въ Гремячѣ.

— Такъ... дѣла, дѣла. Вамъ же собственно зачѣмъ Сигизмундъ Феликсовичъ понадобился?

— А я хотѣлъ ихъ просить, чтобы они по своей любезности были добры показать мнѣ имѣющіяся въ княжескомъ дворцѣ картины. Слышалъ еще въ академіи, что многія изъ нихъ принадлежатъ кисти великихъ мастеровъ и по исполненію чрезвычайно прелестны.

— Картины, сударь, во дворцѣ у насъ тьма-тмуца. И слышала я, что за нихъ уйму денегъ плочено. А хорошо ли, худо нарисовано — судить не берусь. По мнѣ, все тамъ одинаково. Изъ черноты голова лѣзетъ, либо рука, либо нога. А то и груди женскія... Фу, прости, Господи, не говорить бы при чужомъ человѣкѣ... Такъ вотъ, поищите мужа. Думаю, отказу не будетъ... Онъ людей образованныхъ и деликатныхъ уважаетъ и цѣнитъ. Вонъ такъ пойдете аллеей назадъ, откуда пришли, тамъ церковь, а за церковью сейчасъ дьячкова хата... Мужъ навѣрное тамъ...

Молодой человѣкъ откланялся.

Минуть черезъ десять, поднявшись на крылечко Амфилохіа, онъ кашлянулъ разокъ-другой предъ раскрытой дверью, откуда

неслись голоса. Вышелъ дьячокъ во всей своей дикой и несурной красѣ. Молодой человѣкъ, не говоря ни слова, смотрѣлъ на него во все глаза. Чудесную натуру для живописца увидѣлъ онъ въ этомъ большомъ и косматомъ человѣкѣ.

— Что за человѣкъ будете? — спросилъ Амфилохіа, ничуть не смущенный чистой, даже щеголеватой одеждой незнакомца.

— Я по дѣлу къ Сигизмунду Феликсовичу Погоржельскому на тотъ случай, ежели они находятся здѣсь...

А Сигизмундъ Феликсовичъ уже стоялъ на порогѣ, сухощавый, невысокій, съ отважнымъ усатымъ лицомъ, въ ботфортахъ и черной венгеркѣ.

Молодой человѣкъ былъ приглашенъ въ горницу, ту самую, гдѣ назадъ лѣтъ десять раннимъ утромъ исходилъ пискливый, безпомощнымъ плачемъ крохотный подкидышъ. А теперь это былъ не по лѣтамъ сформировавшийся мальчикъ, граціозный и гибкій, безъ свойственной возрасту его угловатости. Своимъ появленіемъ живописецъ нарушилъ моментъ, когда мальчикъ показывалъ секундъ-майору и Сигизмунду Феликсовичу свои учебныя тетрадки.

Гость переходилъ отъ удивленія къ удивленію. Нигдѣ онъ не встрѣчалъ за разъ столько благодарной природы для своего художества. Скискаго вида исполинъ-дьячокъ, затѣмъ чудомъ уцѣлѣвшій обломокъ Екатерининскаго вѣка, этотъ старый ветеранъ съ пудреной косой, и наконецъ необычайной красоты мальчикъ въ темныхъ вьющихся кудряхъ, съ большими черными глазами и профилемъ чистаго античнаго рисунка. Было, отъ чего растеряться, и восхищенный живописецъ замеръ посреди горницы въ какомъ-то радостномъ смущеніи.

— То я не господина Пѣтухова имѣю удовольствіе видѣть? — догадался почему-то Сигизмундъ Феликсовичъ.

— Совершенно вѣрно. Я — Пѣтуховъ.

— Въ Петербургъ? Въ художественной академіи?..

Польщенный такимъ вниманіемъ, живописецъ, расшаркавшись, учтиво склонилъ свою напомаженную и гладко расчесанную голову, — столица научила его хорошему обращенію и благороднымъ манерамъ.

— До меня имѣете какое дѣло?

Пѣтуховъ изложилъ свою просьбу.

— Зогласенъ. Съ удовольствіемъ! Пускай вы приходите сюда одинъ разъ утромъ, то я вамъ все покажу. У насъ есть и Рубенсъ, и Тиціанъ, и французка школа...

— Въ Санктъ-Петербургѣ я слышалъ, что его сіятельство изволили недавно обогатить свою коллекцію новой баталіей господина Горація Вернэта.

— Про то не слышалъ. Чего не знаю — того не знаю... А чи не посмотритъ господинъ художникъ рисунки нашего собственнаго художника? — и Погоржельскій протянулъ Пѣтухову тетрадку съ набросками перомъ и карандашомъ на поляхъ.

Это были мѣтко схваченныя, хотя и наивныя по выполненію, головы Амфилохіа и о. Герасима. И тутъ же, пользуясь Анастасомъ Тимоѣевичемъ, какъ типомъ, мальчикъ нарисовалъ фигуру екатерининскаго солдата съ тоненькой шпагой и ружьемъ величиною съ добрую пушку.

Пѣтуховъ разматривалъ внимательно эти наброски. Онъ весь оживился:

— Почитаю долгомъ своимъ сказать по совѣсти, что задатки усматриваю здѣсь недюжинные. Вижу дарованіе, нуждающееся во всяческомъ развитіи и поощреніи. Прямая дорога сего юноши въ академію художествъ, гдѣ онъ, получивъ надлежащую школу и благородство стили, преуспѣетъ въ искусствѣ рисунка и живописи.

Аполлонъ смотрѣлъ на художника загорѣвшимися глазами. Онъ смутно понималъ, о чемъ говоритъ Пѣтуховъ, но чуялъ въ его словахъ что-то ликующее для себя и радостное.

Секундъ-майоръ такъ подбодрился, словно онъ самъ былъ виновникомъ появленія на свѣтъ этихъ рисунковъ. Горделиво сіяло заросшее волосами лицо Амфилохіа. Сигизмундъ Феликсовичъ потрепалъ Аполлона по плечу:

— То я завсегда говорилъ. Изъ этого хлопца что-нибудь выйдетъ!

— А какъ зовутъ моего юнаго коллегу? — осведомился Пѣтуховъ.

— Аполлономъ Бельведерскимъ...

Пѣтуховъ съ недоумѣніемъ обводилъ всѣхъ глазами, не шутя ли надъ нимъ. Но Сигизмундъ Феликсовичъ подтвердилъ:

— Увѣряю васъ, что имя и фамилія этого мальчика есть Аполлонъ Бельведерскій.

— Какое непостижимое совпаденіе! — изумился Пѣтуховъ. — И какая игра природы и случая, ибо красота его вполне соответствуетъ имени. Разница лишь въ томъ, что сей мненскій богъ былъ златокудрый, а здѣсь мы имѣемъ дѣло съ Аполлономъ черновласымъ...

Пѣтуховъ долго еще сидѣлъ въ амфилохіевой хатѣ. Говорить больше живописецъ. Сигизмундъ Феликсовичъ перебивалъ его вопросами, а всѣ остальные слушали. Когда Пѣтуховъ описывалъ Петербургъ, академію, свои занятія, художественныя впечатлѣнія — онъ весь былъ приподнятый, восторженный, и глаза его свѣтились вдохновеніемъ. Но лишь только возвращался къ своей зависимости отъ Вертищева, видъ принималъ угнетенный и жалкій. Съ облаковъ головокружительный скачокъ прямо на землю. Увидѣвъ, съ какими людьми имѣетъ дѣло, Пѣтуховъ разговорился по душѣ.

— Вотъ удостоенъ серебряныхъ медалей. Буду конкуривать па

малую золотую. А что я такое из себя представляю? Я—пылинка на ладони Алексея Алексеевича, которую могут они сдунуть, когда им придется на это любая охота. Благодарение Богу и господам профессорам, которые меня рекомендовали, я имѣлъ въ Санктъ-Петербургѣ заказы по портретной части. И вотъ я заработалъ и приодѣлся... Но видъ мой можетъ не понравиться Алексею Алексеевичу, и они прикажутъ вмѣсто сюртука одѣть на меня свиту и чтобы я пасъ телятъ. Изящныхъ искусствъ Алексѣй Алексеевичъ не знатокъ и совѣмъ не любопытенъ къ нимъ.

Сигизмундъ Феликсовичъ усмѣхнулся въ свои пышные усы: — Ото нашли мецената! Онъ любопытенъ до водки и до разныхъ другихъ паскудствъ...

— И вотъ я почелъ за систему,—продолжалъ Пѣтуховъ:—какъ можно меньше попадаться имъ на глаза. И это будетъ самое лучшее. Пускай бы они совѣмъ забыли о моемъ существованіи. Слышалъ я, что они хотятъ меня продать. Это было бы весьма хорошо, если бы я попалъ къ господамъ просвѣщеннымъ, у которыхъ я нашелъ бы занятіе, соответствующее моему призванію. Такъ же дошло до меня стороною, что графъ Голынский изъ Мстиславля имѣютъ на меня виды и, зная слабость Алексея Алексеевича, желаютъ совершить обмѣнъ.

— И вмѣсто васъ дать этому азіату нѣсколько псовъ,—докончилъ Погоржельскій, мрачно дернувъ себя за усы.

— Вполнѣ вѣрно изволите говорить, Сигизмундъ Феликсовичъ,—тихо произнесъ живописецъ и весь какъ-то съежился.

Всѣхъ угнетала тяжесть невыносимая. Въ черныхъ глазахъ притаившагося въ углу Аполлона блестяли на рѣсницахъ крупныя слезы. Амфилохій какъ-то странно пофыркивалъ, и сжимались его волосатые кулаки. Секундъ-майоръ усиленно жевалъ

губами, а высохшая старческая рука, державшая табакерку, вздрагивала... Конечно, торговля крестьянами въ диковинку не была для нихъ. Это дѣлалось кругомъ сплошь да рядомъ. Отвратительно, когда человѣкъ низведенъ на степень скота, продаваемого на ярмаркѣ. Но, какъ говорится, глазъ обтерпѣлся при видѣ переходящихъ отъ одного рабовладѣльца къ другому дѣвокъ и мужиковъ. Въ данномъ же случаѣ звѣрь и азіатъ Вертищевъ могъ продать или вымѣнять человѣка съ искрой Божьей, съ талантомъ, вкусившаго образованія, чистаго, гладко выбритаго и одѣтаго на столичный манеръ... Это сознание охватывало особеннымъ ужасомъ. Аполлонъ своей дѣтской душой страшно ярко понялъ всю глубину несчастной судьбы Пѣтухова. По его уходѣ, мальчикъ, разрыдавшись, бросился къ Анастасу Тимошеевичу и, вѣпившись въ фридриховскій камзолъ своего крестнаго, прерывающимся голосомъ требовалъ отвѣта:

— Дѣдъ, вѣдъ онъ пишетъ картины, вѣдъ онъ умный?.. Да?..

— Да, родной, и картины рисуетъ и умный...

— Это же не всякій. Это отъ Бога?..

— Ну, да, отъ Бога! Талантъ—даръ Господній.

— А „тотъ“, тотъ можетъ его бить, продавать... Говори, можетъ? Анастасъ Тимошеевичъ развелъ руками:

— Ежели по человѣчеству да съ соображеніемъ...

— Нѣтъ ты говори мнѣ, дѣдъ, можетъ?

— Секундъ-майоръ вздохнулъ:

— Можетъ... дѣтка...

Аполлонъ судорожно забился. Вздрагивалъ весь въ конвульсіяхъ. Смѣялся и плакалъ въ истерикѣ. Перепуганный Амфилохій вылилъ на него много воды.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Растительный міръ и орнаментъ.

Очеркъ В. Н. Н.

(Окончаніе).

Въ концѣ XIX столѣтія сначала въ Англіи, а потомъ повсемѣстно въ Европѣ явилось стремленіе достигъ новыхъ направленій въ архитектурѣ и архитектурныхъ украшеніяхъ. Образовались новыя теченія. Попутно съ исканіемъ новыхъ формъ искусства перерабатывается и орнаментъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все, гдѣ художественная отдѣлка имѣетъ мѣсто.

Рис. 12.

Увлечение японскимъ искусствомъ, образцы котораго начали проникать въ большомъ числѣ въ Европу съ 70-хъ годовъ, и изученіе этихъ образцовъ внесли новое направленіе въ живописи, въ декоративномъ искусствѣ, въ орнаментѣ и въ украшеніяхъ художественной промышленности. Европейцы увидѣли, какихъ поразительныхъ эффектовъ, красоты и выраженія можно достигъ, пользуясь небольшимъ количествомъ изображаемыхъ предметовъ, эскизно наброшенныхъ нѣсколькими штрихами и красками, какъ можно, не заполняя всего пространства декорируемой поверхности, легкимъ наброскомъ передать жизнь и движеніе природы. И въ художественной промышленности появились подражанія этому искусству, которое дало новыя мотивы для орнаментики. Живописныя, выхваченныя изъ природы, вѣтви съ изломами сучьевъ, осыпанныя цвѣтами, безо всякой симметріи,

заполнили декоративную отдѣлку стѣнъ. Частичная жизнь природы проникла въ орнаментъ въ рисунки датскаго фарфора (рис. 12), въ виньетки, ex libris'ы и всюду, гдѣ въ этомъ чувствовалась потребность. Въ другихъ произведеніяхъ эскизность японскаго рисунка мало-по-малу уступила мѣсто законченнымъ контурамъ съ плоскими тѣнями или окраской, при чемъ въ характерѣ расположенія цвѣтовъ все же чувствуется японское вліяніе (рис. 13).

Японское искусство какъ бы сблизило насъ съ природой и обнаружило самыя интимныя, скрытыя отъ насъ раньше, уголки этой природы.

V.

Попутно съ этимъ нарождалось уже совершенно новое направленіе въ орнаментикѣ, вылившееся, благодаря современной стилизаціи, въ особую ритмичную группировку упрощенныхъ природныхъ мотивовъ.

Для этой новой стилизаціи пользуются нѣкоторыми правилами и приемами, но этими правилами не охватывается весь процессъ интерпретаціи, и, какъ во всякомъ художественномъ воспроизведеніи, остается большой просторъ для личнаго творчества и фантазіи.

Прежде всего и въ основѣ всего необходимо хорошо знать то растеніе, которое берется для стилизаціи. Каждая порода обладаетъ присущей ей особенностью въ расположеніи частей—листьевъ, вѣтвей, въ формѣ цвѣтовъ, листьевъ, въ характерѣ изгиба ствола, корня и т. п.

Въ рисункѣ выравниваются или выпрямляются всѣ формы и подводятся большей частью къ какой-нибудь простой геометрической фигурѣ: четырехугольнику, треугольнику, кругу; но во всякомъ случаѣ стараются сохранить характерныя черты растенія или выдѣлать его особенности настолько, чтобы за стилизаціей не исчезала модель. Большую роль при этомъ играетъ отдѣлка или подчеркиваніе мелкихъ подробностей, расположенія нервовъ, характерныхъ загибовъ лепестковъ, контрастовъ оттѣненія частей и т. п.

Современная стилизація заключается не только въ упрощеніи формъ (simplification), но иногда и въ искусственномъ развитіи и преувеличеніи мало замѣтныхъ, но характерныхъ чертъ (accentuation).

Такъ какъ выборъ всѣхъ этихъ приемовъ—дѣло личнаго пониманія и вкуса, то одинъ и тотъ же цвѣтокъ или растеніе можетъ быть переданъ различно. Кромѣ того, сама манера передачи порождаетъ большое разнообразіе въ стилизованныхъ рисункахъ.

Во всякомъ случаѣ стилизованный рисунокъ болѣе или менѣе симметриченъ, въ особенности при единичномъ выполненіи мотива; въ сплошныхъ же орнаментахъ, имѣющихъ характеръ бордюра, примѣняются ритмичное повтореніе мотива, иногда чередованіе и другія правильныя системы группировки.

Въ послѣднее время въ особенности въ Англіи стилизаціи растительныхъ формъ принимаетъ все болѣе и болѣе упрощенный видъ, и формы сводятся къ первобытному, архаическому виду.

Стилизованный орнаментъ получилъ большое примѣненіе во всѣхъ родахъ художественной промышленности. Какъ упрощенный, онъ удобенъ въ техникѣ, а въ декоративномъ искусствѣ онъ даетъ болѣе определенное впечатлѣніе и, будучи выраженъ яснымъ характернымъ рисункомъ, легко схватывается глазомъ издали.

Откуда же черпаетъ характеръ своихъ формъ современная орнаментика?

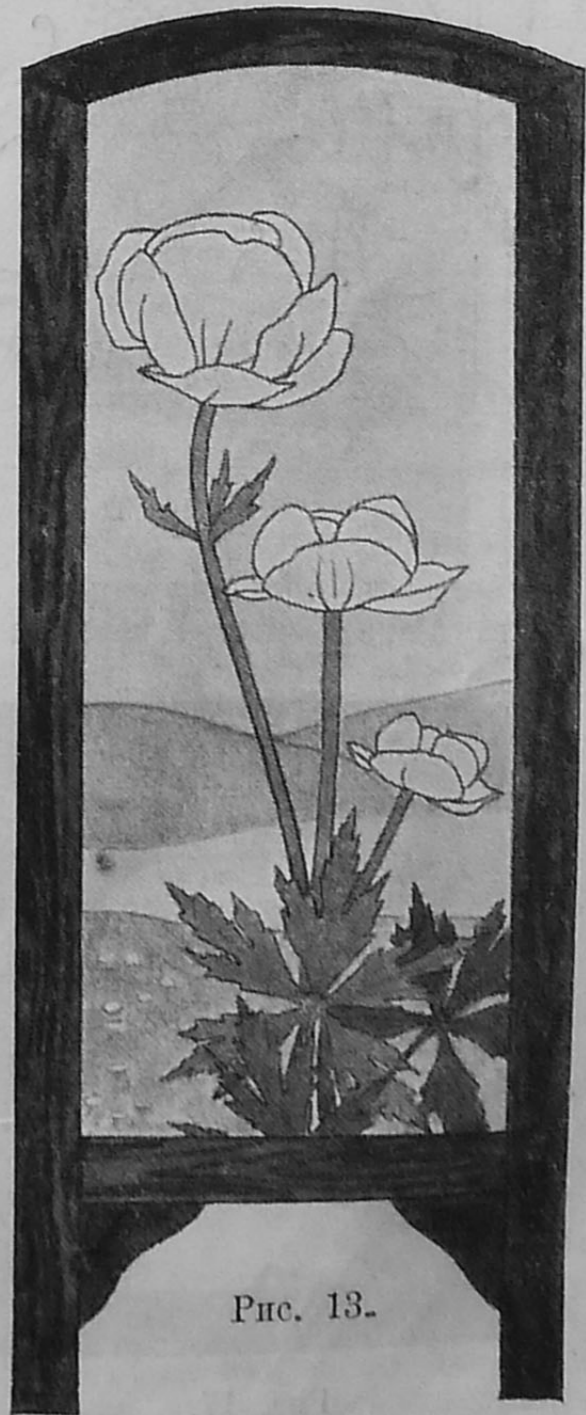

Рис. 13.

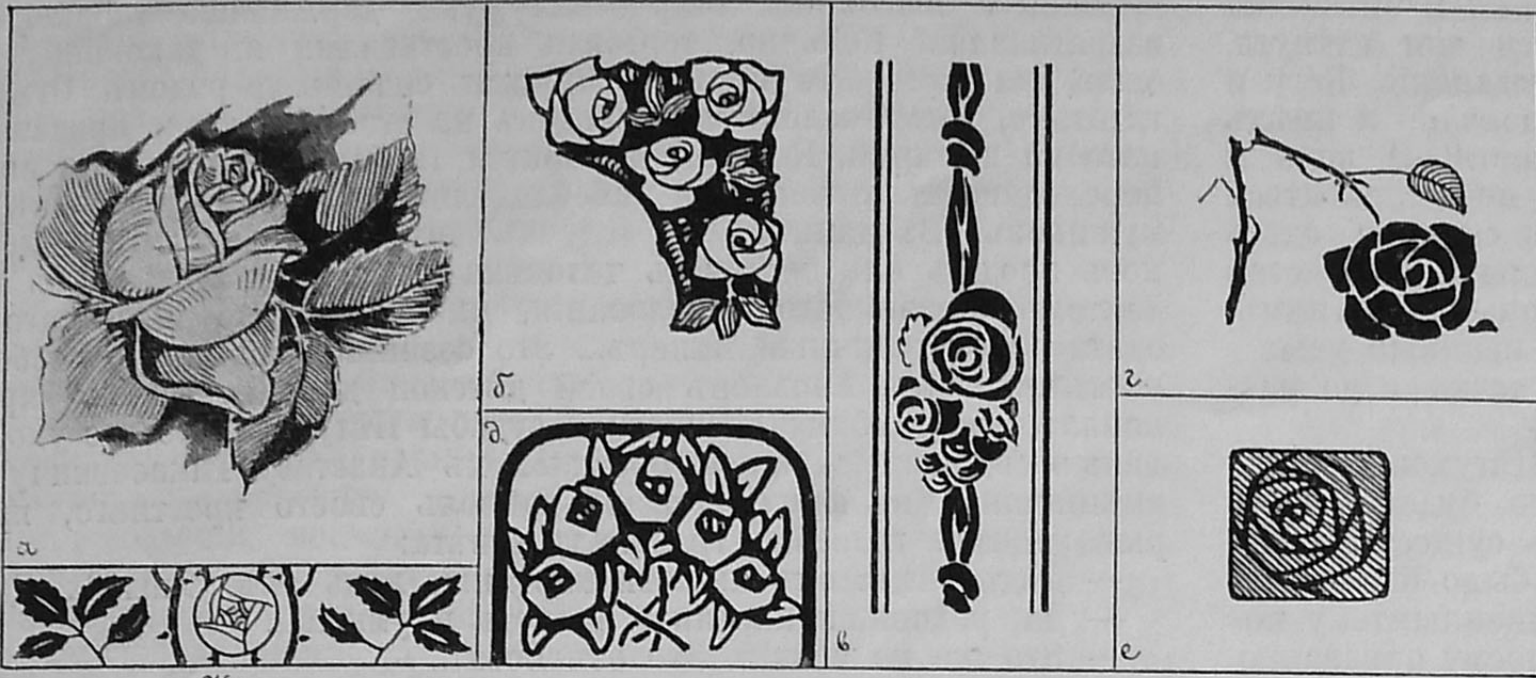

Рис. 14.

Какъ мы видѣли, орнаментъ всѣхъ временъ въ постепенномъ своемъ развитіи то достигалъ высшихъ благородныхъ формъ, то мельчалъ, впадалъ въ вычурность, потомъ перерабатывался въ новыя формы, заимствуя элементы ихъ и простоту расположенія этихъ элементовъ изъ искусства античнаго міра. Но, кромѣ этихъ періодовъ, въ исторіи каждаго народа были моменты, когда искусство ихъ только что рождалось,—рождалось самобытно, безъ постороннихъ вліяній и выливалось въ свѣжихъ и искреннихъ, хотя подчасъ и наивныхъ, чертахъ. Такіе періоды младенческаго искусства намъ сравнительно мало извѣстны; первобытное творчество народовъ постепенно таяло, развивалось, подчинялось чужимъ вліяніямъ и теряло свою самобытность, и вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивались памятники первоначальнаго творчества. И только благодаря раскопкамъ являлась возможность видѣть неиспорченное искусство народа. Но и въ дальнѣйшія времена бывали такіе періоды, когда постороннія вліянія еще не вмѣшивались въ творчество народа.

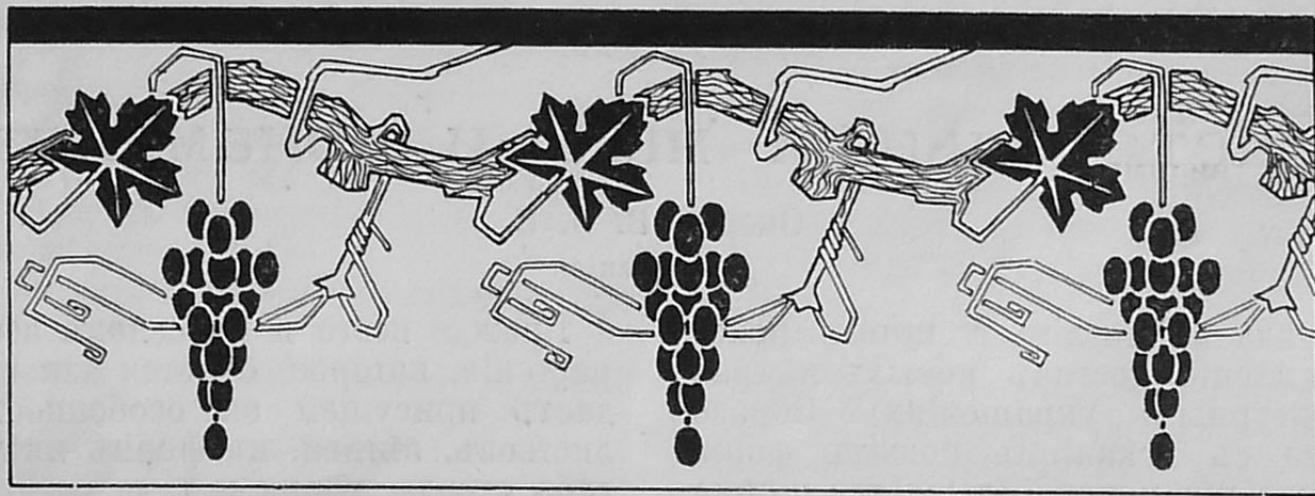

Рис. 15.

Изученіе примитивовъ этихъ періодовъ и послужило основой для новаго искусства и для новой орнаментики, идущей всегда

характеръ очертанія цвѣтка, безъ обозначенія лепестковъ; въ рис. e и ж упрощена и форма — угловатый контуръ розы сведень къ квадрату и къ кругу (примѣръ упрощенія (simplification). На рис. 15 изображенъ бордюръ изъ вѣтвей, листьевъ и кистей винограда; при этомъ сохранены характерныя особенности изгибовъ и изломовъ вѣтвей съ наростами и завитками; листъ упрощенъ—уменьшено число зубцовъ; во всемъ орнаментѣ есть нѣкоторая геометричность.

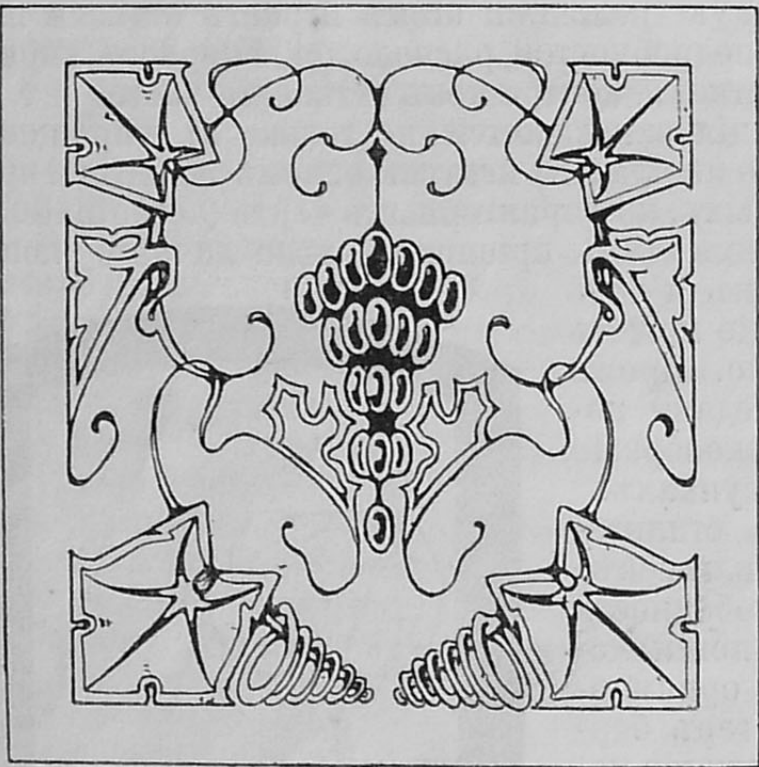

Рис. 16.

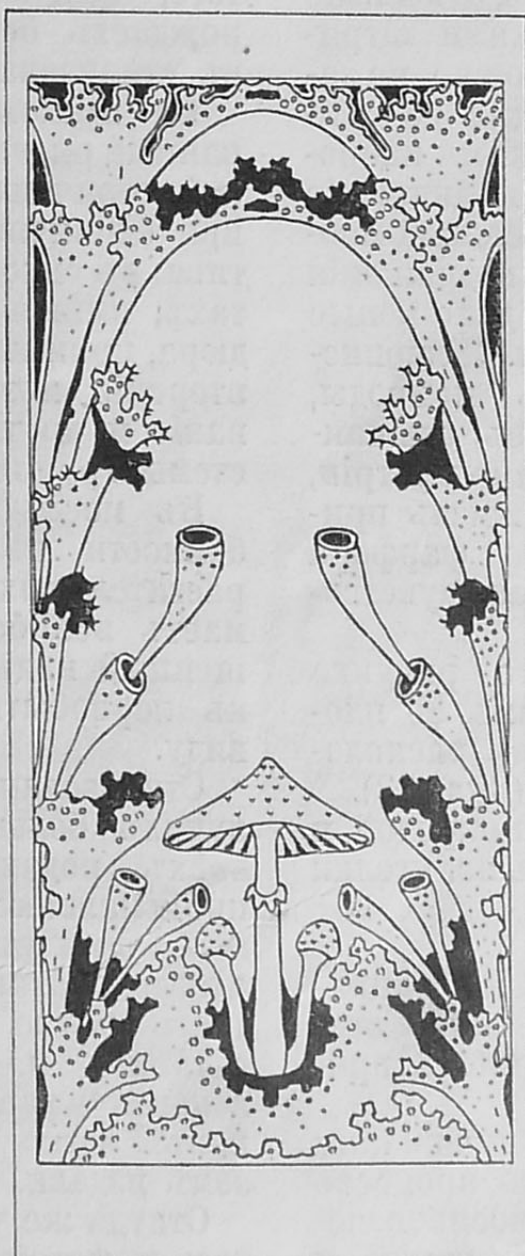

Рис. 18.

вмѣстѣ съ архитектурой и живописью. Глазъ усталъ отъ богатства формъ и невольно обратился къ первоначальному творчеству людей, гдѣ бы оно ни проявлялось—въ примитивахъ ли древнихъ египтянъ и ассири-вавилонянъ, въ рельефахъ, недавно открытыхъ на Критѣ, въ первоначальной живописи на стеклахъ въ сред-

Рис. 17.

ніе вѣка, когда упрощенныя формы заключались въ контуръ толстыхъ свинцовыхъ рамокъ, въ первыхъ работахъ гравировъ съ ихъ опредѣленными, рѣзкими штрихами, пятнами свѣто-тѣни и законченной линіей, или въ другихъ первыхъ проблескахъ самобытнаго народнаго творчества.

Вотъ источники современной орнаментики, разнообразной отъ разнообразія этихъ источниковъ и обладающей общими чертами, контурностью, плоской окраской или плоской тѣнью, наименьшимъ количествомъ линій для изображенія предметовъ, и геометричностью формъ.

Но такъ какъ примитивное искусство рождалось непосредственно отъ природныхъ формъ, то и въ основу современнаго орнамента положено изученіе и знаніе этихъ формъ и главнымъ образомъ растительнаго міра.

VI.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ образцахъ выполненія растительныхъ элементовъ современной орнаментики.

Для примѣра беремъ цвѣтокъ розы.

Въ розахъ Буше на стѣнной живописи, гобеленахъ, на атласѣ мебели эпохи Людовика XVI тщательно отдѣланъ и вырисованъ каждый лепестокъ этого цвѣтка, обозначенъ и оттѣненъ каждый загибъ лепестка; тамъ—изысканность рисунка, присущая тому времени. Это не стилизованный рисунокъ.

Такимъ же не стилизованнымъ рисункомъ розы является изображенный на рис. 14 a; рис. б уже упрощенъ,—отброшены детали оттѣнковъ; въ e и ж рѣзко отмѣчены лепестки, и контуры ихъ заполнены плоской тѣнью; на рис. д упрощеніе доведено до того, что сохраняется лишь общій

На рис. 16 стилизація тѣхъ же формъ выражена иначе. Здѣсь допущены измѣненіе формъ листьевъ и подведеніе этихъ формъ къ линіямъ, ограничивающимъ орнаментъ, но характеръ растенія сохраненъ.

На рис. 17—стилизованный орнаментъ на датскомъ фарфорѣ.

На рис. 18 скомбинированы формы безцвѣтковыхъ (споровыхъ) растеній: грибы, окруженные декоративной рамкой изъ причудливыхъ листьевъ исландскаго мха (setaria islandica); среди нихъ бокальчатая трубочка стилизованныхъ плодовыхъ ножекъ (cladonia saccifera), блѣдно-зеленоватыхъ лишайевъ, растущихъ въ самомъ бору среди мха, на камняхъ или на песчанной почвѣ.

Здѣсь отдѣлка листьевъ исландскаго мха можетъ разсматриваться, какъ примѣръ ассен-туации.

Все это — болѣе или менѣе сложныя композиціи.

А вотъ примѣры уже значительнаго упрощенія формъ.

Рис. 19 и 20 взяты съ керамическихъ плитокъ мастерской фирмы Шарфогель въ Мюнхенѣ. Какъ и все выходящее изъ этой

Рис. 19.

мастерской, эти орнаменты носят характер оригинальной и интересной передачи природных форм, с редким умением упрощенных до примитивности. Правда, эти рисунки не дают понятия о родъ растения, но художник и не стремится къ этому; это скорѣе фантастическое соединеніе реальных форм, и если мы всмотримся въ чудные узоры, покрывающіе каминны и прочія издѣлія Шарфогель, то въ каждомъ элементѣ, въ каждомъ завиткѣ видно глубокое знаніе природных форм. Тутъ и листья и сучья, иногда плоды, иногда корни съ ихъ тончайшими отвѣтвленіями, водоросли, грибы, лишай и даже растительныя клѣтки — все это удачно расцвѣчено и талантливо компоновано.

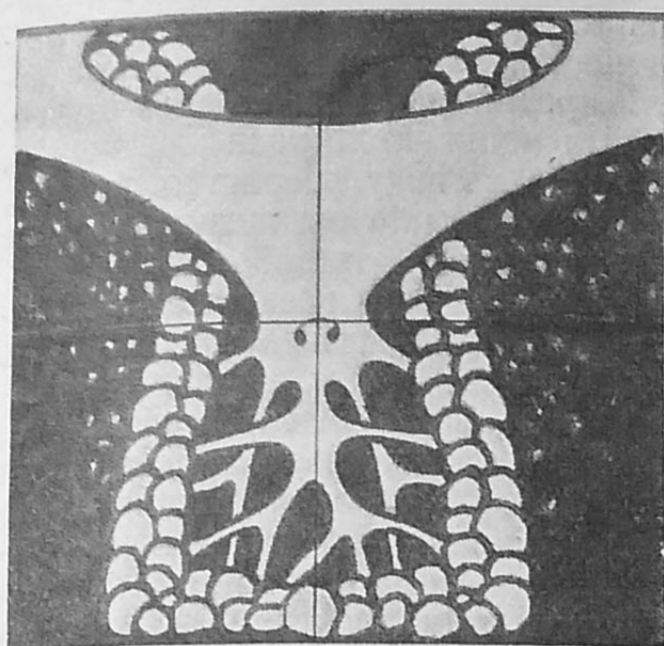

Рис. 20.

Морская флора, формы животно-растений и низшіе организмы даютъ также много мотивовъ для интерпретаціи. Луи Канелль, французскій архитекторъ-художникъ, стилизуетъ различныя формы поли-

повъ (l'arguopheme, (orphocagre, salpus и др.) и изъ расположенія ихъ частей заимствуетъ системы орнаментаціи: повторенія формъ (répétition) и чередованія (alternance) для композиціи бордюровъ, фризовъ и декоративныхъ поверхностей.

Профессоръ Готье (L'école des beaux arts de Nantes) стилизуетъ формы организмовъ, видимыхъ подъ микроскопомъ.

На рис. 21 представлена стилизація, доведенная до крайней примитивности рисунка.

Представимъ себѣ, что съ какого-нибудь цвѣтка или растенія снята копія съ большей или меньшей точностью сходства; съ полученнаго рисунка сдѣлана вторая копія. И если мы вообразимъ цѣлый рядъ подобныхъ перекопированій, сдѣланныхъ разными лицами, то станетъ ясно, что въ концѣ концовъ получится изображеніе, далеко не соответствующее модели съ вполне естественнымъ уклоненіемъ отъ дѣйствительности: вѣдь каждый изъ рисовавшихъ долженъ внести что-нибудь свое въ свой рисунокъ и что-нибудь упустить. Если кто-нибудь изъ нихъ справится съ дѣйствительностью и исправитъ

ошибки, происшедшія отъ уклоненія отъ природы, то получится новый рисунокъ, отличный отъ первообраза, но могущій быть болѣе или менѣе художественно правдивымъ.

Первобытный человекъ украшаетъ обводъ глинянаго сосуда примитивнымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ повторенія одного и того же простѣйшаго мотива, состоящаго, положимъ, изъ трехъ крестообразно расположенныхъ лепестковъ, стараясь какъ можно ближе скопировать ихъ съ природы. Слѣдующее поколѣніе беретъ за образецъ этотъ орнаментъ на глинѣ и, передавая его, искажаетъ формы, достигая, можетъ-быть, въ то же время болѣе правильнаго и ритмичнаго распределенія элементовъ. Такимъ образомъ орнаментъ мало-помалу получаетъ видъ узора, — стилизація заслоняетъ оригиналь.

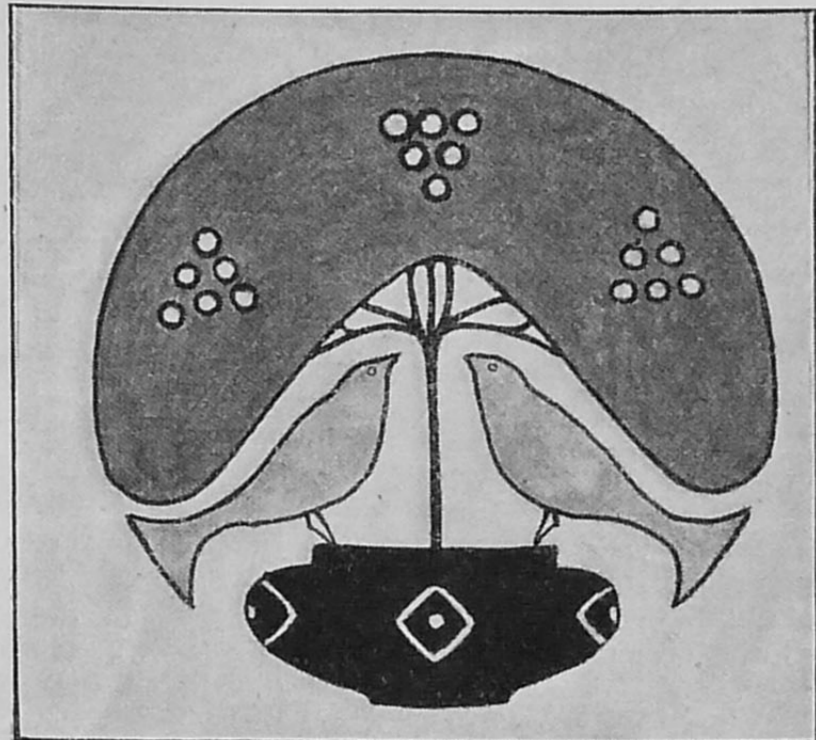

Рис. 21.

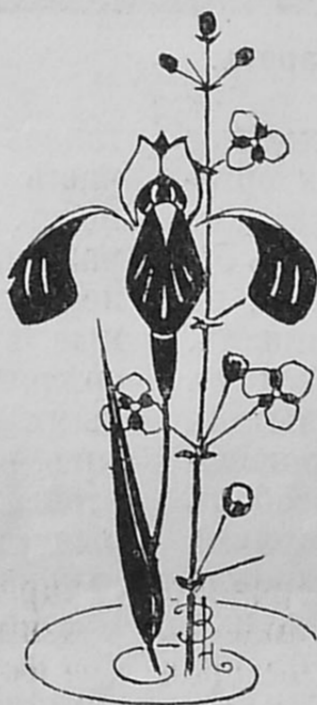
Наконецъ фантастичность и вычурность его формъ прекращаютъ его дальнѣйшее развитіе, и для освѣженія орнамента надо обратиться или къ природѣ, или къ первымъ копіямъ.

Вотъ схема развитія и упадка орнаментики.

Простое копированіе природныхъ формъ не создаетъ стили — оно бездушно. Чрезмѣрное уклоненіе отъ природныхъ формъ ведетъ къ вычурности и запутанности.

Между этими двумя гранями есть нѣкоторая полоса, въ которой правдивыя формы природы, передаваемыя въ орнаментѣ, сливаются въ гармоничное цѣлое съ красотой вымысла художника, и произведеніе является одновременно правдивымъ и одухотвореннымъ благороднымъ творчествомъ художника.

Это относится вообще къ передачѣ природныхъ формъ и болѣе всего — къ растительному міру.

Возможна ли жизнь безъ микробовъ?

Очеркъ. (Съ 3 рис. на стр. 659 и 660).

Съ открытіемъ микроскопа для человека открылся огромный міръ микроскопическихъ существъ, которыми населенъ весь міръ и съ которыми намъ приходится встрѣчаться всюду, куда бы ни проникъ нашъ взоръ. И въ вѣчныхъ льдахъ сѣвера и въ жгучихъ пескахъ Сахары —

всюду разсѣяны миллиарды мельчайшихъ живыхъ существъ, невидимыхъ для невооруженнаго глаза. При такомъ чрезмѣрномъ распространеніи микроорганизмовъ не можетъ показаться особенно удивительнымъ, что не только на поверхности нашего тѣла встрѣчается масса бактерий, но послѣднія населяютъ также и нашъ организмъ. Существуетъ значительное количество видовъ бактерий, постоянно населяющихъ пищеварительный каналъ человека, мирно уживающихся тамъ, не говоря уже о множествѣ микроскопическихъ возбудителей различныхъ болѣзней, врожденныхъ организму и вторгающихся въ послѣдній, вызывая иногда его гибель. Если оставить въ

ихъ значеніе для организма. Если такимъ образомъ принадлежностью не только человека, но и животныхъ является масса населяющихъ ихъ организмы бактерий, то невольно возникаетъ вопросъ: возможна ли жизнь безъ микробовъ? Чрезвычайно

интересны въ этомъ отношеніи опыты доктора Cohendy, произведенные въ лабораторіи профессора И. И. Мечникова и направленные къ разрѣшенію поставленнаго выше вопроса. Возможно ли совершенно отдѣлить живой организмъ отъ всякаго соприкосновенія съ бактеріями въ теченіе опредѣленнаго срока съ цѣлью опредѣлить, въ какой мѣрѣ это исключеніе бактерий изъ жизненнаго круга можетъ отразиться на развитіи организма? Выработанныя докторомъ Cohendy условія опыта вполне доказали эту возможность въ цѣломъ рядѣ удачныхъ экспериментовъ. Трудность постановки подобныхъ опытовъ заключается въ томъ, что мы должны совершенно изолировать воспитываемый организмъ и предохранить его отъ всякаго соприкосновенія съ бактеріями. Такъ какъ послѣднія находятся всюду — въ воздухѣ, въ пищѣ, которой мы должны выкармливать организмъ, въ питьѣ, на всѣхъ предметахъ, которые могутъ прійти въ случайное соприкосновеніе, — то, слѣдовательно, является необходимымъ обезплодить, простерилизовать какъ самое помѣщеніе для воспитываемаго организма, такъ и все, что будетъ поступать

Рис. 1. Аппаратъ для безмикробной жизни; обезпложиваніе вводимыхъ яицъ.

сторонѣ болѣзнетворные микроорганизмы, какъ элементъ, случайно попадающій въ организмъ и развивающійся въ немъ, то постоянно живущія въ организмѣ бактеріи не могутъ быть враждебными для послѣдняго и имѣютъ свое значеніе въ его жизненныхъ процессахъ. Въ этомъ отношеніи работы извѣстнаго бактериолога И. И. Мечникова выяснили важную роль, которую играютъ бактеріи въ химическихъ превращеніяхъ перевариваемой пищи и

ихъ значеніе для организма. Если такимъ образомъ принадлежностью не только человека, но и животныхъ является масса населяющихъ ихъ организмы бактерий, то невольно возникаетъ вопросъ: возможна ли жизнь безъ микробовъ? Чрезвычайно интересны въ этомъ отношеніи опыты доктора Cohendy, произведенные въ лабораторіи профессора И. И. Мечникова и направленные къ разрѣшенію поставленнаго выше вопроса. Возможно ли совершенно отдѣлить живой организмъ отъ всякаго соприкосновенія съ бактеріями въ теченіе опредѣленнаго срока съ цѣлью опредѣлить, въ какой мѣрѣ это исключеніе бактерий изъ жизненнаго круга можетъ отразиться на развитіи организма? Выработанныя докторомъ Cohendy условія опыта вполне доказали эту возможность въ цѣломъ рядѣ удачныхъ экспериментовъ. Трудность постановки подобныхъ опытовъ заключается въ томъ, что мы должны совершенно изолировать воспитываемый организмъ и предохранить его отъ всякаго соприкосновенія съ бактеріями. Такъ какъ послѣднія находятся всюду — въ воздухѣ, въ пищѣ, которой мы должны выкармливать организмъ, въ питьѣ, на всѣхъ предметахъ, которые могутъ прійти въ случайное соприкосновеніе, — то, слѣдовательно, является необходимымъ обезплодить, простерилизовать какъ самое помѣщеніе для воспитываемаго организма, такъ и все, что будетъ поступать

въ это замкнутое пространство. Воздухъ, который непрерывно долженъ обмѣниваться въ аппаратѣ, также долженъ быть очищенъ отъ бактерій и ихъ зародышей. Чтѣ касается пищи и воды для питья, то онѣ должны вводиться въ стерилизованномъ видѣ. Если однако соблюдать все указанныя выше условія, то мы должны быть еще увѣрены и въ томъ, что въ томъ организмѣ, который

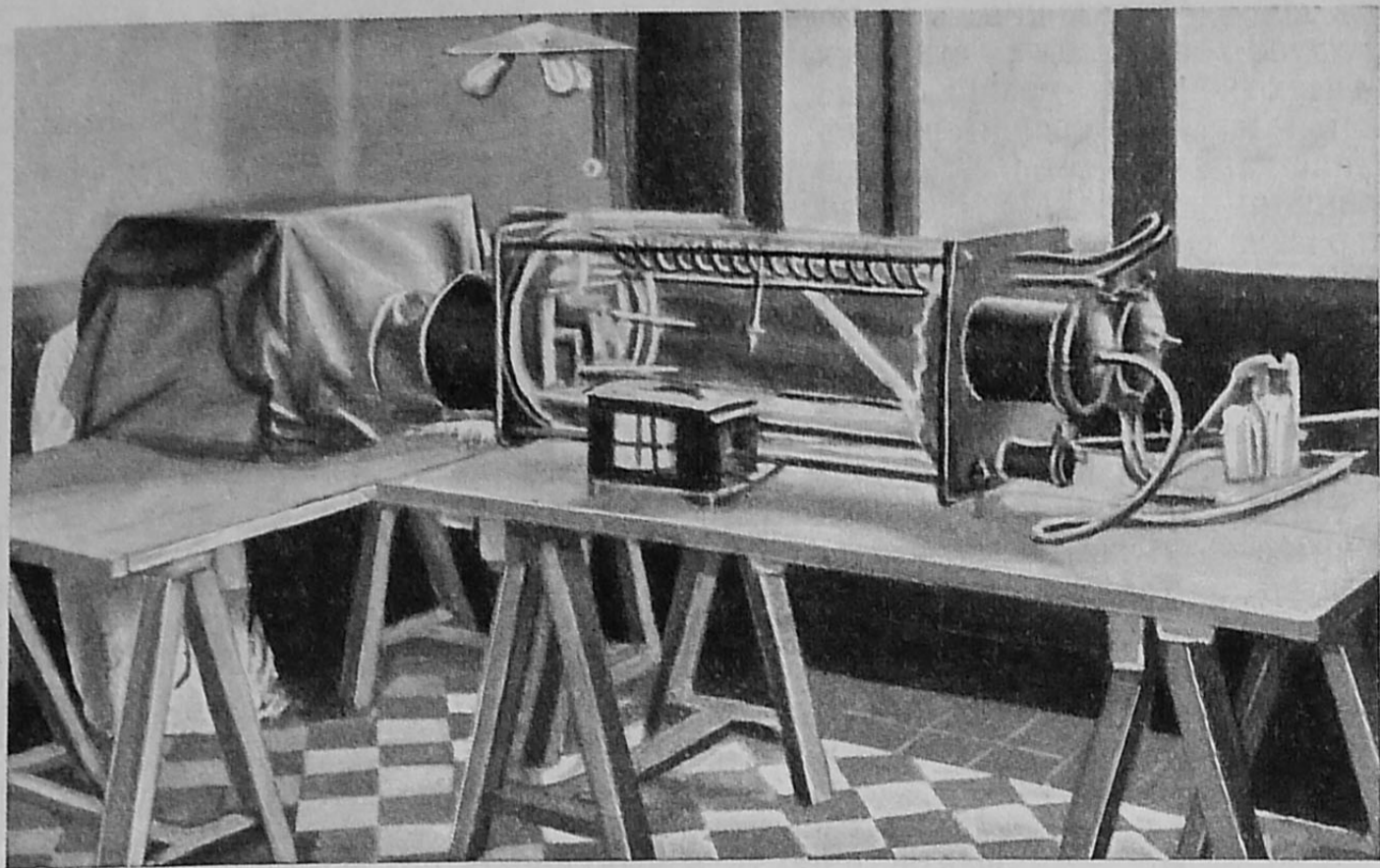

Рис. 2. Введение обезпложенных яицъ въ аппаратъ.

мы вводимъ въ безмикробное пространство, также не находится ни одного микроба. Если бы мы взяли уже развившійся организмъ, то не были бы въ состояніи удовлетворить послѣдному условію. Никакими дезинфицирующими средствами не удалось бы уничтожить всехъ бактерій, которыя уже гнѣздятся въ немъ, не убивъ въ то же время и самый обезпложиваемый организмъ. Такъ какъ зародыши животныхъ, еще не соприкасавшіеся съ наружной средой, не имѣютъ въ себѣ бактерій, то для опытовъ приходится ими и пользоваться. Свои опыты Cohendy производилъ съ цыплятами, которые выводились изъ яицъ въ особомъ аппаратѣ, постоянно нагрѣваемомъ до 40°. Такъ какъ на скорлупѣ яицъ могутъ также быть бактеріи и ихъ зародыши, то, прежде чѣмъ ввести яйца, предназначенныя для опыта, въ аппаратъ, ихъ предварительно приходится стерилизовать погруженіемъ въ нагрѣтый до 40° растворъ сулемы, убивающій бактеріи. Во избѣжаніе переноса бактерій на яйцо съ руки изслѣдователя, послѣдній надѣваетъ стерилизованныя перчатки, которыми и прикасается уже безбоязненно къ скорлупѣ яйца.

Аппаратъ для наблюденія безмикробной жизни состоитъ въ существенныхъ чертахъ изъ стекляннаго цилиндра, замкнутаго съ противоположныхъ сторонъ и соединеннаго съ камерой, чрезъ которую вводятъ предназначенныя для опыта куриныя яйца. Внутри аппарата температура въ 40° поддерживается при помощи нагрѣтаго воздуха, пропускаемаго чрезъ прогнутую трубку. На днѣ цилиндра, гдѣ живутъ вышедшіе изъ яицъ цыплята, насыпаютъ песокъ, который, конечно, предварительно былъ простерилизованъ. На рис. 1 можно видѣть операцію обезпложиванія вводимыхъ въ аппаратъ куриныхъ яицъ. Наружная стѣнка откинута, чтобы показать руки экспериментатора, одѣтыя въ резиновые перчатки, введенныя внутрь камеры, гдѣ находится сосудъ съ нагрѣтымъ растворомъ сулемы для погруженія обезпложиваемыхъ яицъ, которыя послѣ этого уже не будутъ имѣть на поверхности скорлупы бактерій. На самомъ дѣлѣ, конечно, камера должна быть совершенно закрыта, чтобы исключить возможность попаданія бактерій изъ воздуха. Слѣдующей стадіей послѣ обезпложиванія яицъ будетъ ихъ переносъ изъ наружной камеры въ стеклянный аппаратъ, предназначенный для будущихъ питомцевъ безмикробнаго пространства. Сбоку еле видна согнувшаяся фигура экспериментатора, передающаго яйца чрезъ всю камеру во внутренній цилиндръ. Спустя нѣкоторое время въ аппаратѣ уже можно видѣть разгуливающихъ въ немъ крошечныхъ обитателей маленькаго цар-

ства, въ которомъ нѣтъ ни одного представителя изъ міра микробовъ. Ни одна мельчайшая бактерія не въ силахъ проникнуть въ этотъ обособленный уголокъ. Какіе же результаты могутъ получить Cohendy при подобнаго рода опытахъ? Уже заранѣе до нѣкоторой степени можно было предсказать, что жизни безъ микробовъ удастся разрѣшить въ положительномъ смыслѣ. На это могли указывать положительныя, произведенныя И. Мечниковымъ съ цѣлью выясненія роли для организма тѣхъ бактерій, которыя постоянно находятся въ организмѣ, а не въ видѣ случайной примѣси. Для выясненія этой роли Мечниковъ, съ другой стороны, имѣлъ въ виду разрѣшить вопросъ, существуютъ ли въ природѣ такіе организмы, которые не заключаютъ въ себѣ вовсе бактерій. Въ дѣйствительности оказалось, что встрѣчаются совершенно „асептические“ организмы, въ которыхъ абсолютно нѣтъ бактерій. Сюда относятся скорпионы, личинки нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, глисты, встрѣчающіеся у человѣка, и т. д. Такимъ образомъ фактъ возможности жизни безъ микробовъ для позвоночныхъ животныхъ не подвергался сомнѣнію; но иначе дѣло обстоитъ по отношенію къ позвоночнымъ и человѣку, у которыхъ всегда встрѣчаются бактеріи. При этомъ у человѣка въ одномъ миллиграммѣ выдѣлений насчитываютъ до 143.870.000 бактерій различныхъ видовъ. Гораздо меньшее количество бактерій встрѣчается у хищныхъ птицъ, менѣе же всего ихъ находятъ въ кишечникѣ крокодила. Описанные опыты Cohendy доказываютъ возможность безмикробной жизни и для позвоночныхъ животныхъ. Для того, чтобы во всехъ деталяхъ прослѣдить, на чемъ отразится отсутствіе микробовъ въ развитіи организма цыпленка, для сравненія часть яицъ не подвергалась стерилизаціи и помѣщалась въ другой аппаратъ, а часть яицъ для контроля развивалась при нормальныхъ условіяхъ. Оказалось, что отсутствіе микробовъ благоприятствовало развитію цыплятъ, ни въ чемъ не отличавшихся по виду отъ нормально развивавшихся. По окончаніи опытовъ, поставленныя въ нормальныя условія безмикробныя цыплята достигали зрѣлости и не отставали въ развитіи отъ другихъ. Единственнымъ отклоненіемъ отъ нормы являлся ихъ значительный аппетитъ. Кромѣ того, безмикробныя цыплята оказались особенно стойкими по отношенію къ неблагоприятнымъ условіямъ, которыя съ трудомъ можетъ вообще переносить хрупкій организмъ цыпленка. Они легко переносили холодъ, жажду и голодъ. Какъ только цыплята, по окончаніи опытовъ, были поставлены въ обычныя условія, въ ихъ организмѣ быстро развивались бактеріи, но организмъ цыплятъ оказывался достаточно стой-

кимъ для того, чтобы легко справиться съ новыми условіями совместной жизни организма съ массой попадающихъ въ него бактерій.

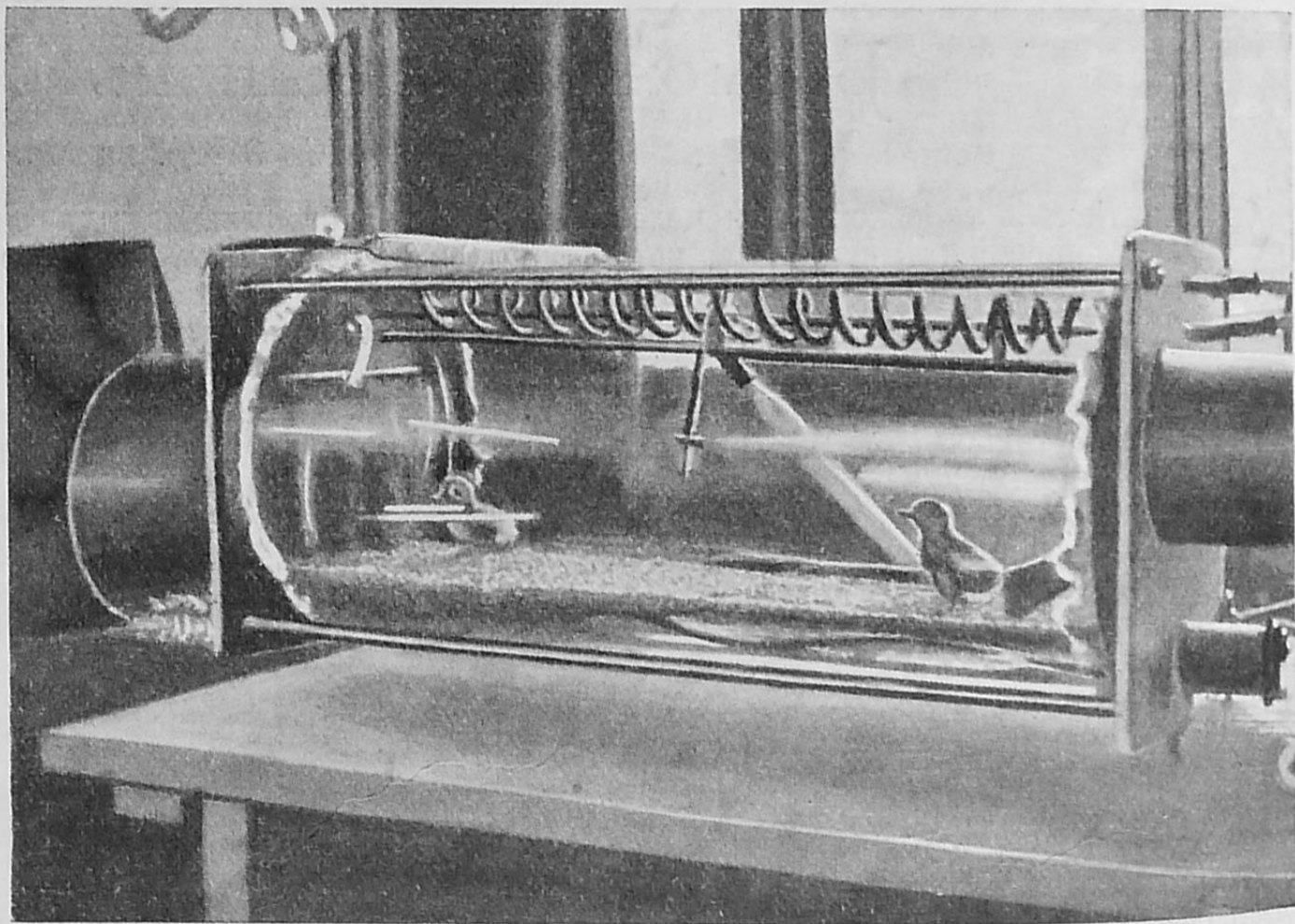
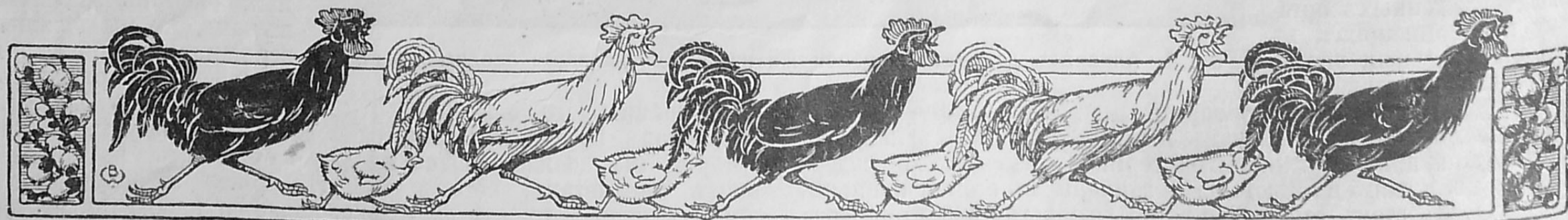

Рис. 3. Выведенныя въ безмикробномъ аппаратѣ цыплята.

Лѣсной сѣздъ и лѣсные пожары.

(Вопросы внутренней жизни).

Въ нынѣшнемъ году въ жизни русскихъ лѣсоводовъ произошли два крупныхъ событія: лѣсной сѣздъ въ Архангельскѣ, обстоятельно и подробно обсуждавшій нужды лѣсного дѣла, и необычайное развитіе лѣсныхъ пожаровъ, уничтожившихъ колоссальную площадь лѣсовъ на всемъ сѣверѣ, между прочимъ, и въ той же Архангельской губерніи.

Участникамъ сѣзда казалось, что они указали все тормозы русскаго лѣсоводства, обсудили все его нужды и обеспечили своею работою пышный расцвѣтъ русскихъ лѣсовъ. Но не успѣли они разѣхаться по домамъ, какъ нигдѣ не предусмотрѣнная бѣда—небывало-грандіозные пожары—обратила въ оборотъ все пни многомилліонные лѣса на необозримыхъ пространствахъ.

Совпаденіе это въ высшей степени характерно и для направленія работъ сѣзда и для постановки лѣсного дѣла въ Россіи. Резолюціи, принятые сѣзжавшимися въ Архангельскѣ лѣсоводами и лѣсопромышленниками, сводились по большей части къ ходатайствамъ о проведеніи новыхъ дорогъ и устройствъ портовъ для заграничнаго экспорта лѣсныхъ матеріаловъ. Въ то время, какъ маленькая Финляндія воспретила вывозъ необработаннаго лѣса изъ предѣловъ княжества,

русскіе лѣсоводы и лѣсоотрогвцы только и хлопотали, что о всевозможномъ содѣйствіи и поощреніи вывоза. Основная ошибка и главный грѣхъ архангельскаго сѣзда заключались въ томъ, что онъ обсуждалъ вопросы лѣсного хозяйства не съ точки зрѣнія національно-государственныхъ интересовъ, а только съ точки зрѣнія частныхъ коммерческихъ прибылей. Торговля и промышленность имѣютъ, разумѣется, огромное значеніе въ жизни государства, барышъ и прибыль тоже имѣютъ неоспоримыя права на существованіе, но они не должны итти въ разрѣзъ съ верховными народно-государственными интересами, не должны заслонять собою всего горизонта жизни и развиваться насчетъ слѣпного расхищенія естественныхъ богатствъ родной земли, необходимыхъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей будущаго поколѣнія. Странно ходатайствовать только о государственномъ вспоможеніи заграничному экспорту русскаго лѣса, когда неразсчетливая эксплуатация и пекущаяся лишь о собственныхъ барышахъ лѣсоотрогвля успѣли уже обезлѣснить двѣ трети нашего лѣснаго царства. Слишкомъ жадная и не сообразующаяся съ общими экономическими условіями лѣсная спекуляція становится хищнической, прибыльной только для отрогвцевъ, но разорительной для государства. Примѣръ Финляндіи чрезвычайно поучителенъ и достоинъ подражанія. Она не захотѣла допустить себя до полнаго обезлѣсенія и запретила экспортъ лѣса. Но ея роль въ снабженіи лѣсными матеріалами безлѣсной Европы сравнительно съ Россіей прямо ничтожна. Въ силу естественныхъ условій мы являемся монополистами европейскаго лѣснаго рынка и если бы захотѣли взглянуть на лѣсное дѣло не съ частно-коммерческой, а съ государственной точки зрѣнія, то прежде всего позаботились бы о томъ, чтобы объединить и организовать нашъ лѣсной экспортъ, монополизировать его подъ государственнымъ флагомъ, какъ монополизировали внутреннюю торговлю хлѣбнымъ спиртомъ, вырабатываемымъ частными заводчиками, и въ качествѣ полновластныхъ хозяевъ европейскаго рынка установили бы такія цѣны на необходимый для европейскаго потребителя матеріалъ, которыя дали бы намъ возможность обратить торговый балансъ въ нашу пользу и направить золотой потокъ не съ

Его Императорское Высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. По поводу 100-лѣтія рожденія.

Востока на Западъ, а съ Запада на Востокъ. Немножко смѣлой государственной инициативы — и Россія изъ безпомощной экономической данницы Западной Европы превратится въ могущественную собирательницу золотой дани. Установленіе государственной монополіи по заграничному вывозу лѣса тѣмъ легче и естественнѣе, что государство само является крупнѣйшимъ изъ лѣсовладѣльцевъ. Правда, казенное лѣсное хозяйство до сихъ поръ попрежнему представляетъ собою верхъ безхозяйственности. Богатѣйшія лѣсныя имѣнія приносятъ казнѣ ничтожные доходы по нѣсколькимъ копейкамъ съ десятины, которые поглощаются содержаніемъ лѣснаго корпуса. Когда нѣтъ силъ сколько-нибудь выгодно вести казенное лѣсное хозяйство даже по старому шаблону, откуда явится возможность справиться казнѣ съ несравненно болѣе сложнымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ государственной организациі заграничнаго экспорта лѣса? Печальные итоги послѣднихъ сенаторскихъ ревизій подрѣзаютъ крылья всякимъ мечтамъ и надеждамъ. Но всякій пессимизмъ долженъ имѣть свои границы и не разрастаться за предѣлы здравого смысла. Логика говоритъ, что мы должны вѣрить въ торжество жизненныхъ силъ Россіи и въ грядущее возрожденіе нашей захирѣвшей государственности.

Призывъ народнаго представительства, ростъ гражданственности, преобразовательные порывы самого правительства — вотъ главные шансы нашего національно-государственнаго спасенія и независимаго политическаго существованія. Свободный и гласный общественный контроль необходимъ. Благодаря ему на смѣну равнодушнымъ людямъ придутъ же когда-нибудь дѣятельные государственные работники и сумѣютъ организовать государственную монополію заграничнаго лѣснаго экспорта.

Въ періодъ творческаго просвѣтленія государственной мысли само правительство поняло всю невозможность руководиться въ лѣсномъ хозяйствѣ страны исключительно частно-коммерческими интересами лѣсовладѣльцевъ и лѣсоотрогвцевъ и издало лѣсоохранительный законъ. Разыгравшаяся въ нынѣшнемъ году эпидемія лѣсныхъ пожаровъ обнаруживаетъ недостаточность послѣдняго. Горящіе лѣса находятся въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ самомъ заброшенномъ состояніи. Они не очищены отъ сухостоя, валежника, вспыхивающаго, какъ костеръ, отъ первой искры, не раздѣлены широкими просѣками, помогающими тушенію и позволяющими прекратить пожаръ на первомъ же квадратѣ, не охранены отъ случайныхъ и умышленныхъ поджоговъ карауломъ лѣсниковъ и пр. Владѣльцы обыкновенно смотрятъ на лѣсъ, какъ на источникъ дохода, но не желаютъ нести по

охранѣ его никакихъ расходовъ, видятъ въ немъ источникъ благополучія безъ всякихъ трудовъ и заботъ. Дѣйствующій законъ воспрещаетъ имъ свести свои лѣса на продажу, но не обязываетъ ихъ охранять лѣса отъ пожаровъ. Между тѣмъ отъ стихійнаго истребленія лѣсовъ огнемъ государство страдаетъ еще больше, чѣмъ отъ коммерческаго веденія ихъ. Право владѣнія должно быть компенсировано и соотвѣтствующими обязанностями владѣльца передъ имуществомъ. На необходимость законодательной охраны лѣсовъ отъ преступной небрежности владѣльцевъ лѣсной сѣздъ тоже не обратилъ никакого вниманія, потому что все вопросы обсуждалъ только съ частно-коммерческой стороны, но тысячами огненныхъ перстовъ на нее указываютъ намъ опустошительные лѣсные пожары, заставляющіе русское общество серьезно задуматься надъ улучшеніемъ лѣснаго хозяйства опустошенной страны.

Ликвидация младо-турецкой диктатуры.

(Политическое обозрѣніе).

Развязка младо-турецкой конституционной мистификации послѣдовала быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Власть, созданная офицерскимъ заговоромъ, рушилась и разсыпалась прахомъ отъ такого же офицерскаго заговора. Турецкая революція началась бѣгствомъ въ горы нѣсколькихъ офицеровъ, поднявшихъ конституционное знамя. Правительство Абдуль-Гамида не посмѣло арестовать и истребить бунтовщиковъ, потому что не надѣялось на вѣрность остальныхъ офицеровъ, не желавшихъ поднимать оружіе противъ товарищей, — и было вынуждено капитулировать передъ разросшимся бунтомъ. По тому же проторенному пути пошли и члены Военной Лиги, недовольные младо-турецкимъ режимомъ. Они тоже бѣжали въ горы, рассчитывая на то, что товарищи не поднимутъ на нихъ руку, тоже воспользовались растерянностью правительства и тоже добились безкровной капитуляции послѣдняго. Султанъ, уstraшенный разрастающимся военнымъ бунтомъ, вошедшимъ въ союзъ съ албанцами и угрожающимъ походомъ на Константинополь, прежде всего отставилъ главу комитета „Единеніе и Прогрессъ“, военного министра Шефкетъ-пашу, затѣмъ смѣнилъ весь младо-турецкій кабинетъ кабинетомъ сторонниковъ Военной Лиги и наконецъ, по настоятельному требованію послѣдней, подписалъ указъ о роспускѣ парламента, въ которомъ путемъ систематическихъ и открытыхъ насилій надъ избирателями младо-турки искусственно устроили себѣ послушное ихъ волю большинство. Въмѣсто того, чтобы похѣрить палату, какъ незаконно избранную, сенатъ объявилъ ее „продолженіемъ“ первой палаты и распустилъ якобы по истеченіи срока депутатскихъ полномочій. Для сохраненія внѣшней благопристойности была всенародно нарушена очевидная правда. Распущенная палата пыталась отстоять свое существованіе и послѣ состоявшагося постановленія сената выразила кабинету недовѣріе, обязывавшее министровъ подать въ отставку, но кабинетъ не обратилъ никакого вниманія на недовѣріе распущенной палаты и заперъ помѣщеніе парламента. Вообще борьба комитета младо-турокъ съ Военной Лигой на почвѣ конституционныхъ формальностей была съ обѣихъ сторонъ лицемернымъ конституционнымъ ханжествомъ, не болѣе, такъ какъ и тѣ и другіе сообразовались вовсе не съ вопросами права, а съ условіями взаимной силы: Комитетъ боялся вооруженной расправы со стороны офицеровъ Лиги, а Лига учитывала возможность вооруженнаго противодействія со стороны офицеровъ Комитета. Подъ видомъ борьбы двухъ партій, въ сущности, происходитъ ожесточенная борьба двухъ офицерскихъ кружковъ, стремящихся къ военной диктатурѣ. Младо-турки пытались разыграть роль защитниковъ конституціи, рѣшили даже продолжить собраніе распущеннаго парламента въ Салоникахъ, объявить правительство незаконнымъ и призвать страну къ неплатежу податей — но имъ на этотъ разъ никто не повѣрилъ, потому что все младо-турецкое управленіе было сплошнымъ нарушеніемъ всякихъ конституционныхъ началъ.

Кабинетъ лигистовъ началъ съ отмены цензуры, съ восстановленія свободы печати и слова, съ объявленія амнистіи за всѣ политическія преступленія и т. д. и этимъ сразу завоевала сочувствіе страны. Даже по отношенію младо-турокъ онъ не принялъ антиконституционныхъ репрессивныхъ мѣръ, позволивъ вчерашнимъ министрамъ безпрепятственно уѣхать въ Солоники. Подверглись аресту только офицеры, собравшіеся на митингъ протеста противъ правительства, но они были арестованы на основаніи только-что слѣшно проведеннаго самими же младо-турками закона, воспрещавшаго военнымъ заниматься политикою. Бѣдные

сторонники Комитета попали въ яму, которую услужливо рыли для другихъ. Еще болѣе тактичнымъ ударомъ Комитету было довѣренности на веденіе тайныхъ мирныхъ переговоровъ съ италяйцами сына египетскаго хедива, уполномоченнаго предшествовавшимъ кабинетомъ. Комитетъ кокетничалъ непримиримостью своего патриотизма, и разоблаченіе его двойственной игры отвратило отъ него симпатіи самыхъ фанатическихъ патриотовъ. Вообще младо-турки могутъ считать свою игру проигранною. Комитетъ силенъ не своею популярностью въ обществѣ и въ арміи, а огромными денежными средствами, унаслѣдованными или, вѣрнѣе, захваченными отъ Абдуль-Гамида. Болѣе умѣренная часть кабинета склоняется къ тому, чтобы примириться съ умѣренными элементами Комитета и дать странѣ спокойствіе, но Кіамиль-паша настаиваетъ на преданіи суду прежнихъ министровъ за оставленіе Триполитаніи безъ военной защиты и прочія ошибки и закононарушенія, результатомъ которыхъ были албанско-арабская революція и потеря африканскихъ колоній. Какія теченія возобладаютъ въ составѣ турецкаго правительства — предсказать трудно, но рѣшительная политика Кіамиля представляется въ то же время и болѣе здравой: внутренней миръ и спокойствіе въ странѣ никогда не возстановлялись примиреніемъ борющихся партій, а заключеніе внѣшняго мира съ Италией сдѣлается для кабинета морально возможнымъ и даже особенно легкимъ только послѣ того, какъ преданіе верховному суду младо-турецкихъ министровъ возложитъ всю отвѣтственность за проигрышъ кампаніи и потерю колоній на предшествовавшихъ дѣятелей. Съ точки зрѣнія интересовъ всей Европы нужно признать желательнымъ торжество антикомитетскаго направленія въ кабинетѣ и назначеніе великимъ визиремъ Кіамиля-пашу. Всего вѣроятнѣе, что дальнѣйшія событія примутъ именно такой оборотъ, судя по тому, что моральный престижъ младо-турокъ, повидимому, совершенно упалъ. Вчерашніе властители дожили до позорнаго и жалкаго конца, не менѣе безславнаго, чѣмъ конецъ Абдуль-Гамида. Страна видитъ въ нихъ виновниковъ всѣхъ своихъ несчастій и внутреннихъ и внѣшнихъ. На ихъ головы падутъ и кровь безчисленныхъ казней, и ненависть за притѣсненіе всѣхъ народовъ, и отвѣтственность за внутренній развалъ Турціи, и позоръ

ея военныхъ поражений. Примиреніе съ ними не допустятъ ни общественное мнѣніе ни даже поднятые ими албанцы, которые уже завладѣли и Приштиномъ и Ускюбомъ и дѣйствительно объединились въ грозную силу, дальнѣйшее движеніе которой, по крайней мѣрѣ, временно приостановлено объявленной амнистіей возставшимъ албанцамъ. При такихъ условіяхъ новое бѣгство въ горы героя первой революціи Нязимъ-бея, угрозы подкупить албанцевъ и переходъ къ вооруженной борьбѣ не обѣщаютъ младо-туркамъ ничего, кромѣ скорѣйшей и уже окончательной ликвидации ихъ партіи.

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

(Портр. на стр. 661).

14 августа с. г. исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія одного изъ замѣчательнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей Россіи — принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, — „просвѣщеннаго благотворителя“, какъ называли его и современники и потомство.

Принцъ П. Г. Ольденбургскій занимаетъ выдающееся мѣсто въ исторіи русской благотворительности, а также въ дѣлѣ русскаго образованія. Его волею, его трудами и его средствами было создано множество благотворительныхъ и учебно-воспитательныхъ учреждений. Вся жизнь этого замѣчательнаго человѣка была проникнута однимъ порывомъ — творческою любовью къ ближнему. Рѣдкій идеалистъ по всему своему душевному складу, принцъ

Царь Болгарскій Фердинандъ I (по поводу 25-лѣтія со дня избранія на болгарскій престолъ). Медальонный барельефъ-бюстъ царя Фердинанда I. Этотъ медальонъ представляетъ собою лицевую сторону новой монеты (въ 100 и 20 левовъ), выбитой въ Болгаріи по случаю 25-лѣтія царствованія Фердинанда I. На обратной сторонѣ монеты — изображеніе болгарскаго герба. Монета отчеканена по рисунку профессора Рудольфа Маршалля въ Вѣнѣ.

Ольденбургскій дѣлалъ людямъ добро такъ же легко и просто и естественно, какъ поетъ птица. Благотворительность была для него естественнымъ состояніемъ: она выросла изъ свѣтлыхъ тайниковъ его души, какъ прекрасный цвѣтокъ, и обращалась ко всемъ обездоленнымъ и нуждающимся. Но это была не простая благотворительность, а творческая. П. Г. Ольденбургскій, „просвѣщенный благотворитель“, именно отличался просвѣщенностью самъ и главную суть благотворительности видѣлъ въ просвѣщеніи, въ сообщеніи людямъ истины, въ усовершенствованіи ихъ личности. Высшее благо П. Г. Ольденбургскій видѣлъ въ торжествѣ просвѣщенного духа, въ нравственной закалкѣ чело- вѣка—и этимъ-то высшимъ благомъ онъ не уставалъ надѣлать лю- дей всю свою долгую жизнь. Цѣлый рядъ воспитательныхъ учре- жденій, оставшихся послѣ него въ Петербургѣ, свидѣтельствуетъ громко и открыто о томъ, чему была посвящена дѣятельность этого рѣдкаго по душѣ чело- вѣка.

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій былъ сынъ принца Георга Ольденбургскаго, занимавшаго должность генералъ-губер- натора Тверской, Новгородской и Ярославской губерній, и супруги его, великой княгини Екатерины Павловны. Принцъ Петръ Геор- гіевичъ родился 14 августа 1812 года въ Ярославлѣ, въ годовщину Отечественной войны, и рано лишился отца. Маленькимъ ребен- комъ онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, къ импе- ратрицѣ Маріи Теодоровнѣ, а позднѣе жилъ и воспи- тывался въ Ольденбургѣ, у своего дѣда, герцога Петра-Фридриха-Людвига. Принцъ Петръ Георгіевичъ получилъ превосходное образованіе, зналъ нѣ- сколько языковъ и, какъ прекрасный знатокъ гре- ческаго языка, одно время даже считался кандида- томъ на греческій пре- столь.

Императоръ Николай I вызвалъ принца въ Россію и зачислилъ его на военную службу въ Преображенскій полкъ. Принцъ П. Г. Оль- денбургскій позднѣе коман- довалъ этимъ полкомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ различныя видныя долж- ности по гражданскому вѣ- домству. Такъ, онъ былъ въ 1834 году сенаторомъ, въ 1836 г. членомъ Госу- дарственнаго Совѣта, въ 1842 г. — предсѣдателемъ Департамента Граждан- скихъ и Духовныхъ Дѣлъ. Кромѣ того, принцъ Петръ Георгіевичъ былъ членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній и предсѣдате- лемъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.

Въ 1860 году принцу было ввѣрено управленіе всеми учрежденіями Вѣ- домства Императрицы Маріи. И съ этого времени и начинается замѣчательная его дѣятельность въ области рус- скаго просвѣщенія и благотворительности, увѣковѣченная въ исторіи нашей гражданственности. Принцъ Петръ Георгіевичъ посвятилъ всего себя возложенному на него дѣлу. Доста- точно сказать, что въ 1844 году Вѣдомство насчитывало у себя всего 104 воспитательныхъ учрежденія, а въ годъ кончины принца ихъ было уже 496. Такъ велика была творческая энергія принца!

Очень многимъ обязано принцу и женское образованіе въ Россіи. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій былъ однимъ изъ расадниковъ новаго женскаго образованія, возникшаго въ шестидесятые годы. Появились женскія гимназіи... Возникла по- требность въ хорошихъ училищахъ для этихъ новыхъ женскихъ учебныхъ заведеній—и вотъ принцъ Петръ Георгіевичъ откры- ваемъ въ 1863 году „Педагогическіе Курсы СПБ. женскихъ гим- назій“, принесшіе въ свое время много добра.

На денежные средства принца въ Петербургѣ возникли и со- стояли подъ его личнымъ попеченіемъ Женскій институтъ прин- цессы Терезіи, затѣмъ первая въ Россіи Свято-Троицкая Община сестеръ милосердія, дѣтскій пріютъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и наконецъ Училище Правовѣднія—одна изъ

немногихъ у насъ высшихъ юридическихъ школъ. Принцъ Ольден- бургскій купилъ для Училища Правовѣднія домъ, отдѣлалъ и приспособилъ его, употребивъ на это около милліона рублей своихъ личныхъ средствъ. Онъ состоялъ попечителемъ Училища до самой своей кончины. Съ 1843 года принцъ состоялъ также попечите- лемъ Александровскаго Лицея.

Симпатизируя юридическимъ знаніямъ, принцъ основалъ въ 1880 году въ Петербургѣ „Русское общество междуна- роднаго права“ и былъ въ немъ предсѣдателемъ. Съ 1841 г. по 1859 г. принцъ занималъ должность президента въ Император- скомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

При всей своей многосторонней дѣятельности, направленной на благотвореніе ближнимъ и на ихъ просвѣщеніе, принцъ Петръ Георгіевичъ находилъ время для литературныхъ занятій. Послѣ его кончины въ его бумагахъ былъ найденъ прекрасный пере- водъ на французскій языкъ „Пиковой дамы“ Пушкина.

Въ 1889 году на Литейномъ проспектѣ противъ зданія больницы были воздвигнуты памятникъ принцу Петру Георгіевичу. Золотая надпись на этомъ памятникѣ гласитъ: „Просвѣщенному благо- творителю“. Но едва ли не лучшимъ памятникомъ принцу слу- жатъ основанныя имъ мно- гочисленныя учебныя и благотворительныя учре- жденія и та свѣтлая память, которую онъ оставилъ по себѣ.

Фердинандъ I, царь Болгарскій.

(Портр. на стр. 662).

1 августа с. г. рождествен- ная намъ по крови малень- кая Болгарія праздновала большое національное и государственное событіе: двадцатипятилѣтній юби- лей своего правителя, прежде вассальнаго князя, а нынѣ самостоятельнаго царя,—Фердинанда I, два- дцатипятилѣтне его правле- нія, его государственной дѣятельности на пользу сво- его государства и народа.

Юбилей былъ торже- ственно отпразднованъ подъ громъ пушекъ и крики привѣтствій въ древнемъ Тырновѣ, политомъ рус- скою кровью въ знамени- тельный и для Россіи и для Болгаріи 1877 годъ, когда мы отвоевывали сла- вянъ отъ угнетавшей ихъ Турціи. Въ Тырновѣ со- брался цвѣтъ болгарскаго народа и горячо привѣт- ствовалъ своего государя и вождя.

Болгарія можетъ искрен- но и съ полнымъ основа- ніемъ гордиться своимъ царемъ. Въ теченіе такого короткаго въ политической жизни народовъ срока, какъ двадцать пять лѣтъ, онъ сдѣлалъ для своей

страны чрезвычайно много. Четверть вѣка тому назадъ, когда Ферди- нандъ Кобургскій вступалъ на болгарскій престолъ послѣ принца Александра Баттенбергскаго, Болгарія страдала отъ внутреннихъ неурядицъ и междоусобій, вела войну съ Сербіей, испытывала такія потрясенія, какъ румелійскій переворотъ, и была данницей и вас- сальной рабою Турціи. Въ Болгаріи не было школъ, финансы были разстроены, армія была запущена и слаба, населеніе нищенство- вало. Эта была жалкая страна, еще не освоившаяся со своимъ но- вымъ, болѣе культурнымъ, политическимъ положеніемъ послѣ рус- ско-турецкой войны и тяжело страдавшая отъ кровавыхъ междо- усобій политиканствовавшихъ внутри ея политическихъ партій.

Вступленіе Фердинанда Кобургскаго на болгарскій престолъ въ 1877 году состоялось такимъ образомъ въ тяжелой и неблаго- пріятной обстановкѣ. Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ новаго правленія—и положеніе вещей стало рѣзко измѣняться къ луч- шему. Болгарія вступила на новый путь мирнаго развитія и совершенствованія, и вскорѣ всемъ стало ясно, что надъ малень- кой страной бдитъ недремленное око мудраго и опытнаго власти- теля, умѣющаго въ тиши, безъ громкихъ фразъ и безъ „эффект- ныхъ“ потрясеній, готовить странѣ и народу культурное и испол- ненное порядка существованіе.

Жюль Массенэ, знаменитый французскій композиторъ (1842—1912).

Теперь мы можем съ полной убѣжденностью сказать, что подъ эгидой царя-юбилера Болгарія за двадцать пять послѣднихъ лѣтъ превратилась въ первое балканское государство, которое имѣетъ безспорный вѣсъ и голосъ въ международномъ хорѣ европейскихъ державъ. Развилась и окрѣпла Болгарія и въ своихъ внутреннихъ границахъ. Появилось хорошее войско, развилась торговля, появились прекрасно поставленные школы. И, что еще знаменательнѣе, всего этого (и въ особенности международного авторитета) Болгаріи удалось достигнуть совершенно мирнымъ путемъ, безъ какихъ-либо внутреннихъ и внѣшнихъ потрясеній. Царство и правленіе царя Фердинанда—царство мира и правленіе мира.

Немалую популярность царь Фердинандъ приобрѣлъ и въ своей странѣ и въ Россіи своими симпатіями дѣлу православія. Несмотря на могущественныя противныя теченія, онъ настоялъ на томъ, чтобы окрестить своего наслѣдника, княжича Бориса, по обряду православной церкви. Этотъ шагъ создалъ ему великую любовь въ православной Болгаріи и встрѣтилъ живой симпатизирующей отголосокъ у насъ.

Осторожное и мудро-поступательное правленіе царя-юбилера завершилось въ прошломъ году рѣшительнымъ и смѣлымъ шагомъ—провозглашеніемъ царскаго титула. „Князь Болгарскій“ превратился въ „царя Болгарскаго“—независимаго властелина, превратившаго свое княжество въ королевство. Этотъ шагъ, сдѣланный въ мудро избранное время, прошелъ безъ тѣни какихъ-либо внѣшнихъ осложненій для Болгаріи, и царскій титулъ Фердинанда I былъ признанъ всѣми державами—и прежде всѣхъ Россіей.

Болгарскія торжества нашли искренній откликъ среди всѣхъ, кому дороги общеславянскіе интересы и кто съ уваженіемъ замѣчалъ и наблюдалъ культурную и творческую дѣятельность царя Фердинанда Болгарскаго, сумѣвшаго выдвинуть и поставить славянскіе интересы на Балканскомъ полуостровѣ на первый планъ. И конечно, этотъ откликъ всего звучнѣе и искреннѣе раздался въ Россіи, которая связана съ Болгаріей незабываемыми воспоминаніями освободительной эпохи.

Жюль Массенэ. (Портр. на стр. 663).

Французскій музыкальный міръ, а съ нимъ и музыкальный міръ всей Европы понесли тяжкую потерю: 1 августа с. г. въ Парижѣ скончался извѣстный композиторъ Жюль Массенэ, авторъ многочисленныхъ оперъ и симфоній, изъ которыхъ большинство пользовалось популярностью и у насъ въ Россіи. Напримѣръ, оперы „Манонъ“, „Вертеръ“, „Эсکلармонда“ и „Таисъ“.

Массенэ является типичнымъ французскимъ композиторомъ—роднымъ братомъ по искусству такимъ мастерамъ музыкальнаго письма, какъ Гуно и Сенъ-Сансъ, съ ихъ яркой мелодичностью и живостью ритма и съ ихъ богатствомъ мелодическаго рисунка. Массенэ не пользовался такою славой, какъ эти прославленные композиторы: онъ и слабѣе ихъ по таланту и напряженности вдохновенія, но во всякомъ случаѣ онъ принадлежитъ къ старой школѣ, старина которой до сихъ поръ еще не совсѣмъ побѣждена и не свергнута молодыми французскими композиторами, начинающими пользоваться любовью какъ у себя на родинѣ, такъ и за предѣлами ея. Но и старикъ Массенэ, пережившій ко дню своей кончины семидесятилѣтнюю годовщину, всю жизнь пользовался популярностью и любовью широкихъ массъ музыкальной публики всей Европы.

Массенэ родился въ 1842 году. Музыкальное образованіе онъ получилъ въ Парижской Консерваторіи у извѣстнаго композитора Амбруаза Тома и въ 1863 году получилъ римскую премію, кончивъ консерваторскій курсъ лауреатомъ. Въ большой публикѣ имя Массенэ стало впервые извѣстно во время Парижской выставки 1867 года, для которой покойный композиторъ написалъ вмѣстѣ съ Сенъ-Сансомъ красивую и эффектную кантату. Этотъ успѣхъ открылъ Массенэ двери разныхъ музыкальныхъ учреждений и помогъ ему выдвинуться въ обществѣ. Послѣ того онъ дебюти-

ровалъ мистеріями и духовной музыкой, но настоящую популярность онъ приобрѣлъ своей первой оперой: „Король Лагорскій“, которая долго не сходила со сцены во Франціи и въ другихъ странахъ и шла также и у насъ въ Россіи на старой казенной итальянской сценѣ въ Петербургѣ.

Послѣ „Короля Лагорскаго“ Массенэ написалъ оперы: „Иродіада“, „Сидъ“, „Магъ“, „Эсکلармонда“, „Вертеръ“, „Манонъ“, „Наварянка“, „Таисъ“, „Сафо“ (по роману А. Додэ) и наконецъ „Донъ-Кихотъ“, въ которомъ стяжалъ такіе блестящіе лавры нашъ соотечественникъ—Ф. И. Шалляпинъ, для котораго и была специально написана эта опера. Кроме того, Массенэ принадлежитъ цѣлый рядъ оркестровыхъ сочиненій всякаго рода, изъ которыхъ особой популярностью пользуются „Венгерская сюита“ и „Неаполитанскія оперы“. Наконецъ Массенэ писалъ музыку къ различнымъ драматическимъ произведеніямъ—къ „Эриніямъ“ Леконтъ де-Лилля, къ „Теодорѣ“ Сарду и др. Самой послѣдней оперой, только-что поставленной въ Парижѣ и оконченной незадолго до кончины композитора, была опера „Рома“.

Оперы Массенэ свидѣтельствуютъ о живомъ драматическомъ чутьѣ композитора и о прекрасномъ знаніи сцены. Онѣ художественны и закончены по своей драматической техникѣ и даютъ прекрасный матеріалъ не только для музыки и пѣнія, но и для драматической игры. При всемъ томъ однако Массенэ оставался преимущественно лирикомъ, и ему наиболѣе удавались пѣвучія мѣста съ широкимъ мелодическимъ рисункомъ. Однако, мелодіи Массенэ нерѣдко посредственны въ смыслѣ новизны и яркости музыкальной мысли, но онѣ часто красивы и слушаются съ удовольствіемъ. У насъ наибольшей популярностью пользовались „Манонъ“ и „Вертеръ“, а въ послѣднее время и „Таисъ“. Первые двѣ оперы почти не сходили у насъ съ репертуара за послѣднія 15—20 лѣтъ, да и теперь рѣдкій сезонъ обходится безъ нихъ.

Массенэ былъ одно время профессоромъ въ Парижской Консерваторіи и пользовался славой прекраснаго педагога. Но потомъ онъ нашелъ несомѣстимую эту дѣятельность съ художественнымъ творчествомъ и ради послѣдняго отказался отъ профессуры.

Въ личной жизни Массенэ былъ обаятельно любезнымъ и общительнымъ человѣкомъ. Его личныя качества были оцѣнены по достоинству, и онъ пользовался всеобщими симпатіями. Несмотря на свой возрастъ, покойный композиторъ отличался большой творческой энергіей и даже въ послѣднее время продолжалъ жить искусствомъ, подготавливая двѣ новыхъ оперы, но смерть подкралась къ нему неожиданно...

Къ рисункамъ.

Какое рѣдкое, ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе быть двѣнадцати- или десятилѣтнимъ мальчуганомъ, жить на берегу моря и отправляться рано поутру на прибрежные камни за добычей—ловить крабовъ и креветокъ,—крупныхъ крабовъ, похожихъ на черныхъ таракановъ, бѣгающихъ съ необычайной быстротой бокомъ и прячущихся въ расщелинахъ камней, гдѣ они поѣдаютъ тину и водоросли, и маленькихъ, нѣжно-розовыхъ, полупрозрачныхъ креветокъ съ темными глазами и бѣлесоватыми усиками. Какъ легко и свѣжо дѣшится тогда, и какъ свѣтъ и просторъ наполняютъ душу и зовутъ къ жизни, къ труду, къ возмужалости.

Изящныя дѣтскія фигурки на картинахъ В. Бугро „Львѣтляка“ и І. Эллсея „Любимецъ“ проникнуты такимъ же свѣтомъ и такою же радостью дѣтскихъ дней, „когда еще новы всѣ впечатлѣнья бытія“. Любовь къ природѣ, къ животнымъ, радостное ощущеніе возникающей теплоты и полноты жизни, какъ загорающийся огонь на очагѣ,—этими впечатлѣнными и настроеніями проникнуты обѣ картины.

Иллюстраціи Т. Платонова къ разсказу А. И. Куприна „Молохъ“ воспроизводятъ извѣстные нашимъ читателямъ моменты изъ этого талантливаго и яркаго „бытописанія нашихъ дней“, рисующаго нравы рабочихъ и инженеровъ на громадной фабрикѣ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разерочки, подписная плата за „Ниву“ 1912 года должна быть внесена полностью къ 1-му августа сего года. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться немедленною присылкою остальной причитающейся съ нихъ суммы. При высылкѣ денегъ гг. иногородніе подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Морлоки. Разсказъ Ю. Волина. (Продолженіе).—Аполлонъ Бельведерскій. Повѣсть минувшихъ лѣтъ. Н. Н. Брешко-Брешковскіе. Лѣсныя пожары (Вопросы внутренней жизни).—Ликвидация млада-турецкой диктатуры (Политическое обозрѣніе).—Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.—Фердинандъ I, царь Болгарскій.—Жюль Массенэ.—Къ рисункамъ.—Заявленіе.—Объявленія.
Р И С У Н К И: За добычей.—Львѣтляка.—Любимецъ.—Иллюстраціи къ разсказу Куприна „Молохъ“ (2 рис.).—Растительный міръ и орнаментъ (10 рис.).—Возможна ли жизнь безъ микробовъ? (3 рис.).—Его Императорское Высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.—Царь Болгарскій Фердинандъ I.—Жюль Массенэ, знаменитый французскій композиторъ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Оскара Уайльда“ кн. 5.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.